

елена ЛОГУНОВА

Елена и Ирка

Елена Логунова

Афродита размера XXL

«ЭКСМО»

2008

Логунова Е. И.

Афродита размера XXL / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2008 — (Елена и Ирка)

Приятельница Аня озадачила тележурналистку Елену необычной просьбой – найти ее старинную подругу Машу. Когда-то они были почти сестрами, но потом разошлись, как в море корабли. И вот недавно Аня случайно повстречалась с Машей и пришла в ужас – та выглядела, мягко говоря, очень странно...Лена быстро справилась с просьбой, но лучше бы она этого не делала – Машу выловили из паркового пруда. Причем выяснилось, что у нее остался прелестный малыш, которого и след простыл. Но главный сюрприз – к его появлению на свет, кажется, имеет непосредственное отношение Анин семнадцатилетний сын Сашка! Но почему милиция подозревает в убийстве именно его?

© Логунова Е. И., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Вместо пролога	5
Два месяца спустя	8
Воскресенье	13
Понедельник	18
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Елена Логунова

Афродита размера XXL

Вместо пролога

– Может, борщик съешь?

– Не-а.

– Супчик? Курочку? Котлетку?

Я без особой надежды перечисляла первые и вторые блюда, представленные в меню. Оно было богатым и вполне соответствовало европейским требованиям к системе питания «шведский стол», однако запросы моего ребенка были то ли несравненно шире, то ли гораздо скромнее общепринятых – как посмотреть. Кто как, а Масяня к четвертому дню пребывания в отеле не нашел для себя и десяти подходящих блюд. С многочисленными оговорками к употреблению в пищу им были допущены макароны, гречневая каша, докторская колбаса, чай, печенье, сухие баранки и «Бородинский». Белый хлеб почему-то тоже впал в немилость.

На хлебе я и не настаивала, но включить в рацион молодого растущего организма белковую пищу казалось мне крайне важным.

– Бульон с фрикадельками?

– Ни-ко-гда!

Я стиснула черенок ложки, но левой рукой в последний момент перехватила запястье правой: позыв треснуть потомка по лбу был невероятно силен! Я списала это на генетическую память: мамочка рассказывала, что ее деревенский дедушка имел обыкновение в процессе трапезы осуществлять адресное педагогическое воздействие на умы шалящих детей и внуков как раз деревянной ложкой. Кажется, это было очень эффективно.

В душе я уже склонна была оценивать дедовский опыт как безусловно положительный, однако в данном конкретном случае мне очень хотелось прийти к консенсусу путем мирных переговоров. Главным образом, потому, что своенравный сынуля мог принять мои манипуляции с ложкой за новую игру и развить ее по своему разумению. А мне не хотелось предстать перед почтенной публикой с тарелкой на голове.

– Может, ты будешь омлет?

– Нет! – Масяня ответил в рифму и засмеялся от удовольствия.

– Убил бы Чуковского! – злобно сказал Колян.

Он мрачно вкушал яства, большой разноцветной горой наваленные на его тарелку. Масыны диетические закидоны здорово портили папочке удовольствие от обильной трапезы. На протяжении всего обеда Колян сердито краснел под взглядами людей, которые с недоумением и укоризной взирали на вопиющую дисгармонию в продовольственных наборах отца и сына. Масяня, сусликом стоя у стола – присаживаться он отказывался из опасения быть накормленным насильно, – скромно и невозмутимо грыз сухое печенье.

– Поздно, Чуковский давно уже умер, – ответила я мужу и с сожалением вздохнула.

Я бы сейчас тоже с большим удовольствием кого-нибудь убила – необязательно Чуковского.

– А кто распоряжается его творческим наследием, не знаешь? – настойчиво спросил Колян.

Похоже было, что к Корнею Ивановичу у него что-то личное.

– Потомки, наверное, или какой-нибудь фонд. А что?

Колян отложил вилку, вытащил из кармана ручку и ожесточенно зачеркал ею на полях богато иллюстрированной книжки про Бармалея.

– А то, что я считаю необходимым добиться внесения изменений в текст данного произведения! – объявил муж и с выражением зачитал не приглянувшиеся ему строки:

– «Милый, милый людоед, смилуйся над нами! Мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями!» Как тебе это? Когда такое пишет автор, которого считают лучшим детским писателем, это уже не шуточки! Это настоящая провокация!

– Прямое подстрекательство к продовольственному бунту! – согласилась я.

– Хочу чаю, – покончив со своим дежурным сухарем, заявил Мاسя.

Я застонала, не сомневаясь, что следующим пунктом в меню моего ребенка будут конфеты. Зачем я читала ему Чуковского? Где были мои глаза?

«Где были твои ложки?» – мрачно поправил внутренний голос ворчливым стариковским басом.

– Предлагаю переписать Чуковского следующим образом, – деловито сказал Колян. – Сюжет произведения и ритм стиха не пострадают, а воспитательный посыл только выиграет. Вместо «мы дадим тебе конфет, чаю с сухарями» впредь читаем «мы дадим тебе котлет, супу с сухарями!». А? Как тебе?

– Гораздо лучше! – согласилась я без большого воодушевления. – Только, боюсь, «Бармалеем» дело не ограничится. У того же Чуковского в другом стихотворном хите слон на вопрос: «Что вам надо?» – безответственно отвечает: «Шоколада»!

Колян задумался, с видимым трудом подыскивая гастрономически верную рифму.

– А как быть, например, с Мальчишом-Плохишом, который просил в награду ящик печенья и бочку варенья? – продолжала я. – Чем их заменить для пушей питательной пользы и без ущерба для стиха? Бочкой борща и ящиком сухого леща? А Красной Шапочке дать корзинку с паровыми котлетками?

– И нормально будет, не подавятся! – заупрямился муж.

Чувствовалось, что прогрессивную идею гастрономической цензуры в детской литературе он выносил в муках и теперь так просто от нее не откажется.

– А писатели не облезут, если их чуточку поправят, впредь не будут словами разбрасываться! Пусть на русские народные сказки равняются, там диетология вполне грамотная: молочные реки в кисельных берегах, репка, куриное яйцо, золотая рыбка...

– И Маша с медведями у Толстого не чипсы, а похлебку ели, – вспомнила я. – И сорока-ворона кашу варила, деток кормила! И солдат из топора суп делал, а не чупа-чупс на палочке!

– Где чупа-чупс на палочке? – оживился Масыня.

Я очнулась:

– Нигде. В запретительной части законопроекта «О детской литературе, подлежащей одобрению Институтом питания Российской академии медицинских наук»!

– Можем набросать письмо в Госдуму сразу после обеда и за ужином собрать подписи граждан! – деловито предложил Колян.

Я отвратила взор, затуманенный слезами бессилия, от шведского стола и оглядела просторный обеденный зал. Локальные конфликты вроде нашего происходили за каждым третьим столом. Большая часть родителей, прибывших на отдых с маленькими детьми, тщетно доказывала своим неразумным чадам преимущества супа и котлет перед чаем и конфетами. Метрах в пяти от нас пацан лет четырех мычал и раскачивался на стуле, как стихотворный бычок Агнии Барто, ловко уклоняясь от ложки с супом. А буквально рядом с нами, за соседним столиком, девчонка Масыного возраста скандировала со страстностью итальянского революционера Гарибальди:

– Ма-ка-ро-ны! Ма-ка-ро-ны!

Мамаша маленькой бунтарки устало обмахивалась салфеткой. Судя по количеству нетронутых тарелочек с едой, у соседей битва при шведском столе имела затяжной позиционный характер.

Мася, уже выигравший свою очередную войну со шведами, наблюдал за единомышленницей с улыбкой превосходства.

– Послушайте! – сочувственно улыбнулась я измученной маме маленькой фанатки макаронных изделий. – Вступайте в наши ряды! У нас тут формируется что-то вроде клуба родителей мелких приверед. Меня Леной зовут, а это мой муж, Николай. И сын тоже Николай, хотя мы чаще зовем его Масыней.

– Я Аня, – сказала соседка. – А этот монстрик – Танька. Ума не приложу, что с ней делать!

– Давайте думать вместе! – предложил Колян.

Так сформировался центральный комитет неформальной организации родителей «Неедака», что впоследствии принесло определенную пользу обществу в целом и множество проблем лично мне.

Два месяца спустя

Суббота

– Здесь направо, потом до конца квартала прямо, а потом через проспект и налево, – объясняла я дорогу, для пушей понятности изображая повороты жестами.

Мы с Анной на ее машине ехали к моему знакомому художнику Ивану Лобанову. Ванька согласился недорого проиллюстрировать своими рисунками наше с Коляном бессмертное произведение – многосерийную поучительную сказку «Ешкин кот». Эта фантастико-аллегорическая книга о вкусной и здоровой пище для детей уже снискала одобрение двух маленьких «неедяк» – моего Масыни и Анкиной Тани. Слушая рассказы о приключениях смешного человечка Ешки и его прожорливого кота Филимона, мой сынишка раскрывал рот так широко, что мне без труда удавалось накормить ребенка и первым, и вторым, и третьим. У Анюты результаты были еще лучше: они с Танюшкой договорились, что за каждую тарелку первого ей читают одну страницу книжки, и девочка стала просить добавки. Анну это привело в такой восторг, что она выразила желание оплатить издание нашей чудодейственной сказки за свой счет. Анюта может себе это позволить, она не бедная леди, вернее – жена не бедного джентльмена.

– Не рассказывай мне куда ехать, я сама вижу, – ворчливо сказала Анна и надолго засмотрелась на коммуникатор, пристроенный под ветровым стеклом ее «Тойоты».

Я покачала головой. Анкина манера доверять спутниковому навигатору больше, чем собственным глазам, мне совсем не нравилась. Я видела, что электронный подсказчик запаздывает с обновлением информации – это раз и вовсе не учитывает реальную дорожно-транспортную ситуацию – это два. Пять минут назад на центральной улице наш автомобиль едва не протаранил гаишную «патрульку», изображения которой не было и не могло быть на дисплее компьютера. Пришлось мне открывать свое телевизионное удостоверение, а Анке – кошелек, и только после этого вредные дядьки-гаишники позволили нам продолжать движение. Мысленно я поклялась себе никогда больше не кататься с Анкой, чтобы не уехать раньше времени из нашего мира в столь притягательный для нее виртуальный.

– На дорогу смотри! – посоветовала я приятельнице.

– Я смотрю, – ответила она, продолжая упрямо пялиться на дисплей.

Лучше бы она меня послушалась!

– Тормози!!! – заорала я, краем глаза заметив темную тень, метнувшуюся нам наперерез.

Я увидела ее раньше, чем горе-водительница, не только потому, что не отвлекалась на дурацкий компьютерный мультик. У Анкиной «Тойоты» руль справа, а тень набежала слева, с моей стороны.

Это была какая-то чокнутая баба. Она уже почти пересекла пустой проспект, когда он внезапно перестал быть пустым: Анка, не сбавляя скорости, как раз вывернула из-за поворота.

То, что психопатка не попала под колеса, я склонна считать чудом. Ненормальной невероятно повезло: копуша Анюта на мой крик отреагировать не успела, но случайный булыжник чертовски кстати угодил под колесо «Тойоты», и автомобиль дернулся вправо без всякого участия водителя. Правым колесом машина взлетела на тротуар, очнувшаяся Анка выкрутила руль и в последнюю секунду увела «Тойоту» от столкновения с фонарным столбом. Машина вильнула влево, со скрежетом и визгом развернулась поперек дороги и встала как вкопанная.

– Дура ненормальная! – распахнув дверь, проорала Анюта психопатке, которая едва не погубила нас всех.

А эта идиотка даже не притормозила! Только незряче оглянулась на крик, продемонстрировав нам бледную, с запавшими глазницами физиономию в разводах косметики, добежала до тротуара и секунду спустя исчезла в темном переулке.

– Что это было? – пробормотала я, дрожащей рукой смахнув пот со лба.

Анка, опасно перекосившись и свесившись за борт «Тойоты», тупо таращилась на пустую дорогу и молчала.

– И откуда только берутся такие люди?! – искренне вознегодовала я. – Алкашка чертова! Глаза залила – и бежит поперек проезжей части, прямоком с этого света на тот! Пьянь подзаборная!

– Думаешь, она алкашка? – слабым голосом спросила Анюта.

Она наконец села, но дверцу закрывать не стала, вытащила из сумки сигареты и нервно закурила.

– А кто же? Растрепанная, как чучело, баба в распахнутом плаще, под плащом помятая ночнушка, на ногах тапочки, в кулаке полтинник, – я без труда составила словесный портрет незнакомки.

Хотя видела я ее какие-то доли секунды, но впечатления пережила незабываемые и запомнила эту особу на всю жизнь.

– Думаешь, куда она летит? На той стороне круглосуточный магазин, туда по ночам все страждущие района за «беленькой» и «красенькой» бегают.

– Не может быть, – пробормотала Анка, глубоко затянувшись дымом. – Ты-то откуда знаешь?

– Так Ванька Лобанов, к которому мы едем, как раз возле того магазина живет, – объяснила я. – И считает это соседство самым большим плюсом своего жилища! Художники – они в большинстве своем выпивку о-очень уважают, а Ванька – настоящий художник, почти гений. И точно, водку он жрет просто гениально. А магазинчик поэтически называет «Святылищем Бахуса» и бегают поклониться своему кумиру всякий раз, когда у него находится лишний полтинник.

– Водка дороже стоит, – машинально возразила Анка.

– Хорошая – да, но тут райончик не элитный, местные поклонники Бахуса – народ простой, не переборчивый. Для постоянных клиентов в магазине особый ассортимент – самопальная водка от Семеныча.

– Какого Семеныча?!

Меня после пережитого потрясения как прорвало, я болтала и хихикала, словно умалишенная. Анка, наоборот, тупила: была мрачна и слова цедила скупую.

– Семеныч – это местная знаменитость, – охотно объяснила я. – Дед уже лет сто работает на зеркально-фурнитурной фабрике и баллонами тягает оттуда спирт. Уж не знаю, для каких зеркальных процессов он там применяется, но Семеныч всю жизнь стоит у источника. Спирт отличный, чистый медицинский, разводит он его хорошей питьевой водичкой, так что водка у Семеныча не хуже заводской получается. Разве что покрепче, чем сорокоградусная, тут дед систематически ошибается в пользу любителей крепких напитков. Но клиенты по этому поводу претензий не предъявляют, пьют и еще просят.

– Еще просят, – эхом повторила Анка, глядя в темный проем переулка.

– Ну что я тебе говорила? – проследив направление ее взгляда, торжествующе воскликнула я. – Вот она, красавица! Купила «беленькую» и обратно бежит, опять торопится. Не иначе, на той стороне улицы ее собутыльники дожидаются.

Безответственная особа, по вине которой едва не случилось ДТП, опять летела, не глядя по сторонам, через проспект. Ее длинные спутанные волосы развевались по ветру, плащ хлопал за спиной, как тяжелое темное крыло, тапки звонко шлепали по босым пяткам. В правой руке бегуни поблескивало белое бутылочное стекло. На машину, опасно вставшую поперек дороги, нетерпеливая пьянчужка не обратила ни малейшего внимания.

Я дернулась, собираясь высунуться из машины и сказать идиотке все, что я о ней думаю, но Анка схватила меня за руку:

– Не надо, Лен! Сиди!

– Гуманистка! – пробурчала я, неохотно отказавшись от мысли озвучить пару-тройку слов из тех, что я использую крайне редко.

Тем временем бегунья, сжимающая водочную бутылку, как эстафетную палочку, потерялась в густой тени на другой стороне улицы.

– Ну? Чего стоим, кого ждем? – сердито спросила я Анку. – Мы когда-нибудь уберемся с перекрестка или ты все-таки настаиваешь на нашем участии в ДТП?

Приятельница молча завела машину, благоразумно перестала таращиться на компьютер, и мы без происшествий приехали к Ванькиному дому.

– Пойдем?

– погоди, – Анка угрюмо смотрела на светящуюся вывеску магазина с исчерпывающим названием «Еда и питье».

Вывеска моргала, через раз являя взору модифицированное название «да питье». Это выглядело как одобрение пьянства.

– Ленчик, я хочу попросить тебя об одолжении, – сказала Анюта. – Я знаю, что у тебя дефицит свободного времени, но это дело по твоей части. Возьмешься за работу? Я хорошо заплачу.

– Да ладно тебе, Ань! Заплатит она! Я по знакомству бесплатно сделаю. Что тебе нужно? Текст написать, сюжетик снять или, может, рекламный ролик?

Приятельница помотала головой и пробубнила что-то вроде «бумажку вытащить».

– Что ты говоришь? Какую бумажку? – нахмурилась я. – Откуда вытащить?

– Да не бумажку! Машку! Найти ее и вытащить из болота!

– Ань, а ты меня ни с кем не путаешь? Я не в МЧС, а на телевидении работаю!

– Вот именно, – кивнула Анка. – Ты работаешь на телевидении и имеешь опыт ведения журналистских расследований. И пишешь детектив, я знаю!

Я поморщилась и подумала, что надо сделать строгий выговор Коляну. Кто еще мог разболтать, что я дерзнула пойти по стопам уважаемых мадам Кристи, Хмелевской и Марининой? Впрочем, я пока недалеко ушла, застряла на второй странице третьей главы. К этому моменту у меня напроць закончились второстепенные персонажи, которых я неэкономно поубивала в первых двух главах. Роман обещал быть динамичным, сюжет закрутился головокружительный, но для выхода на следующий его виток я должна была сначала пополнить народонаселение произведения. Между тем новых лиц я ни вокруг себя, ни в своем воображении не видела, а старые так надоели, что расселять их на страницах детектива не имело никакого смысла: ни один не дожил бы до конца третьей главы.

В такой ситуации разбрасываться свежими людьми не стоило, Анкина Маша тоже могла на что-то сгодиться.

– Ладно, – сдалась я. – Что за Маша?

– Маша – это Мария, – веско ответила Анюта.

Это, конечно, была бесценная и, главное, совершенно неожиданная информация.

– Она же Мери, Машуля, Машенция и Машерочка! – нетерпеливо гаркнула я. – Кто она такая, зачем тебе ее искать?

– Маша – моя лучшая и самая старая подруга.

– Насколько старая? – уточнила я.

Главным образом, потому, что очень старая подруга запросто могла найтись уже на том свете, а я не планировала заводить свое журналистское расследование так далеко.

– Мы с ней дружили еще в студенческие годы. Ой, как мы дружили! – Анка мечтательно улыбнулась. – Мы в общежитии в одной комнате жили, вместе играли в вокально-инструментальном ансамбле и даже песни для него сочиняли. В походы ходили, с парашютом прыгали! Вообще неразлучны были, как сиамские близнецы, да многие нас и принимали за сестричек.

– Вы похожи? – Я искоса посмотрела на приятельницу.

Анка в свои сорок выглядит так, что легко сойдет за сестричку брюнеточки из «Виагры», однако я обоснованно подозреваю, что от природы внешние данные у приятельницы были скромные. Над Анютой поработали и до сих пор продолжают трудиться не покладая рук косметологи, диетологи, тренеры и массажисты. Будучи богатой дамой, не занятой регулярной трудовой деятельностью, Анка располагает и деньгами, и свободным временем, которые щедро тратит на свою красоту. Правда, у нее двое детей, но семнадцатилетний старший в мамочкиной опеке давно не нуждается, а пятилетней младшей занимается няня. Впрочем, содержит всю семью не Анюта, а ее муж.

– Наверное, мы были похожи, – она посмотрела туда, куда убежала растрепанная пьянчужка, и неосознанно акцентировала глагол прошедшего времени. – Обе невысокие, стройные, темноволосые, скуластые, летом обязательно загорелые... Красились одинаково, потому что косметика у нас была общая, одевались из одного магазина. В те времена, ты помнишь, с тряпками было туго, так мы с Машкой по очереди в «Детском мире» дежурили, дожидаясь, пока там что-нибудь «выкинут», и брали все в двойном количестве.

– Поклонников тоже делили по-сестрински? – усмехнулась я, вспомнив собственную юность.

Мы с моей университетской подружкой Никой частенько знакомились с парнями по принципу «два на два» и тут же шептались, распределяя добычу: «Тебе блондин, а мне брюнет, идет?»

– Ага, – Анка тоже засмеялась, но тут же посерьезнела. – Но только пока я не встретила Митеньку.

Про Митеньку – Анкиного законного супруга – я знала мало, ибо познакомиться с ним толком не удосужилась. Митенька руководит собственной солидной фирмой и на этом основании представляется мне большим занудой.

– В общем, конец твоей дружбе с Машенькой положила любовь к Митеньке? – подытожила я.

– Что? – Анка перестала сосредоточенно пялиться в темноту. – Нет, что ты, мы еще долго дружили! Машка моего Сашку крестила, а я у нее на свадьбах свидетельницей была.

– На свадьбах? – я поняла, что Анюткина подружка тоже не засиделась в девках. – Сколько же их у нее было?

– Три, но два брака закончились разводом, а в третьем Машка овдовела. Она вообще ни с одним мужем больше полугода не прожила. Первый был жуткий бабник и ушел от нее к другой, второго она сама выгнала – за пьянство, а третий оказался наркоманом и загнулся в каком-то притоне. Машка никогда не умела правильно выбирать ухажеров, вечно ей какие-то поганцы доставались! Хорошо хоть, ни один из них ребеночком ее не наградил, так и осталась Машка свободной женщиной, безответственной и легкомысленной, как мотылек.

Последнюю фразу Анка произнесла как-то уж очень мрачно, словно наличие у женщины свободы при отсутствии ответственности было страшным злом, а не великим благом. Впрочем, я знала, что своих детей Анюта очень любит и материнством не тяготится.

«А кто бы на ее месте тяготился? – тут же влез с вопросом мой внутренний голос. – У Анюты мамки, няньки и куча денег на удовлетворение всевозможных детских потребностей, желаний и капризов!»

Тут я вспомнила, что целью нашей поездки было исполнение очередного каприза заботливой мамыши Анки, и встрепенулась:

– Эй, так мы пойдем к нашему художнику или нет? Договаривались на восемь, а уже почти половина девятого. Ванька Лобанов, конечно, не король, чтобы баловать его безупречной монаршей точностью, но ближе к ночи он становится все менее вменяемым. Ванька просыпается к обеду и сразу же начинает восхвалять Бахуса!

– Пойдем, – кивнула Анюта. – Только ты сначала скажи, найдешь мне Машку?

– Да как же я ее найду? – искренне удивилась я. – Ты же не дала никакой информации, кроме несущественных обрывков ностальгических воспоминаний! Что я знаю о твоей Маше? Что двадцать лет назад, во время учебы в Политехническом, это была развеселая деваха, белозубая, загорелая, невысокого роста с темными волосами! Наверняка с тех пор загар у нее сошел, зубы поределели, а волосы поседелели, если вообще не выпали.

– Не выпали, – возразила Анка. – И не поседелели, или же она их красит в черный цвет. И еще завивает.

– Откуда ты знаешь? – осеклась я.

– Так видела же! – Приятельница махнула рукой. – И ты видела, с волосами, во всяком случае, у Машки все в порядке. А вот со всем остальным... Ленка, она выглядит просто ужасно! Я уверена, что Машка снова вляпалась в какую-то жуткую историю!

– Машка? – Я посмотрела туда, куда махнула Анка, и наконец догадалась, что весь этот неуместный, как мне казалось, разговор возник вовсе не случайно. – Так это твоя подружка, что ли, была? Та самая Машка?! Вот эта жуткая бомжиха?!

– Не смотри на меня так, словно это я, теряя тапки, бегаю по ночам в водочный ларек! – обиделась Анюта. – Мы с Машкой больше года не виделись, и я понятия не имею, почему она так опустилась. Но я хочу это узнать! Как бы то ни было, это моя лучшая подруга, и я просто обязана попытаться ей помочь! Ты меня понимаешь?

Я представила, что бы я почувствовала, если бы на Анкином месте была я сама, а на месте жалкой пьянчужки Маши – моя лучшая и единственная подруга Ирка. Если бы это я катила по городу на собственной шикарной машине, а Ирка на своих двоих, обутой в стоптанные тапки, рысила в ларек за паленой водкой. Если бы у меня были упругие после недавней подтяжки свежие щечки и полные карманы денег, а у нее – черные круги под глазами и мятый полтинник в кулаке. Если бы меня дома ждали благополучные детки и безупречный зануда-муж, а ее – компания алкашей и тунеядцев. Подумала я обо всем этом и честно сказала:

– Нет, Анка, я тебя не понимаю! Почему ты не спохватилась раньше? Почему не интересовалась судьбой лучшей подруги целый год?

– Думаешь, уже поздно? – совсем расстроилась она.

– Попробуем что-нибудь сделать, – сказала я.

Эти мои слова были равносильны согласию взяться за детективное расследование. Анюта повеселела, мы наконец вылезли из машины и пошли в гости к художнику. Я в отличие от Анки пребывала не в лучшем настроении. Ясно было, что я подрядилась на работу, которая может оказаться настоящим геморроем и при этом не принесет никакой пользы. Денег я с Анюты по дружбе не возьму, но и адаптировать ее Машу в свой богатый опасными приключениями детектив не смогу – судя по всему, бедной Маше и в реальной жизни не сладко приходится.

Я чувствовала себя похвально гуманной и благородной идиоткой.

Воскресенье

– Чего это ты идиотка? Ничего ты не идиотка! – приговаривала Ирка, сноровисто выворачивая карманы мужних штанов, отправляемых в стирку. – И Анка не дура, что придумала нанять тебя, как частного детектива! Я уверена, у тебя получится, ведь ты уже не один тугой клубочек распутала. Сколько убийств раскрыла!

– Больше, чем хотелось бы, – пробормотала я, непроизвольно поежившись. – Кстати, Анка свою подружку хотела бы найти живой!

– А вот мне все равно, живой или мертвой! Мертвой даже лучше, наверное! – непонятно заявила Ирка.

Она безжалостно скомкала брюки, яростно затолкала их в открытый иллюминатор стиральной машины и взялась за рубашку.

Тут я заподозрила что-то неладное. Моя обычно благодушная подружка явно пребывала в растрепанных чувствах. Проверив карманы Моржиковой рубашки, она взялась за носки, причем не просто вывернула их, но еще и заглянула внутрь каждого.

– Ирка, в чем дело? – спросила я удивленно. – Твой муж завел старомодную привычку хранить деньги в чулке?

– Да, он завел! – сердито ответила Ирка и метнула тщательно досмотренный носок в стиралку. – Дрянь!

Я не поняла, к носку или к его хозяину относится ругательное слово, а Ирка не спешила с объяснениями. Она ткнула в кнопку запуска так решительно, словно включала не стиралку, а электрический стул, после чего скрестила руки на груди и с самым мрачным выражением лица уставилась на коловращение тряпок за стеклянным люком.

Ярких цветовых пятен там не наблюдалось, Ирка стирала исключительно светлые летние одежды, поэтому зрелище было не настолько интересное, чтобы увлечься им надолго. Тем не менее моя подружка застыла подобием памятника Пушкину, созерцающему современную российскую действительность с горестным неудовольствием. Поэтому минуты через две я не выдержала и прямо спросила:

– Ирустик, что случилось?

Она перестала таращиться на стиралку, посмотрела на меня, скривила губы и плаксиво сказала:

– По-моему, Моржик мне изменяет.

– Да с чего ты взяла?! – искренне изумилась я.

Иркин супруг Сержик, которого все близкие называют Моржиком, предпоследний человек, которого я заподозрила бы в супружеской измене (последним был бы мой собственный муж). Мы с Иркой всегда считали, что с благоверными нам повезло почти так же, как им с нами, и очень этому радовались.

Теперь, однако, на румяной физиономии подруги никакой радости не читалось.

– Сейчас я тебе кое-что покажу, и ты убедишься, что Моржик пошел налево, – пообещала Ирка и сняла с полки кухонного шкафчика богато иллюстрированную кулинарную книгу «Еврейская мамочка».

Пока я озадаченно искала мистическую связь между кошерной пищей и левизной в супружестве, подруга раскрыла поварской талмуд, вытащила вложенную в него тетрадку и забормотала, перелистывая страницы:

– Творожная запеканка с черносливом, не то... Кисель по-министерски... Вот! Зайчик!

– Лучше домашний кролик, зайцы воняют, – доброжелательно подсказала я.

– Это я читаю тебе эсэмэску, которую списала с мобильного Моржика! – поморщившись, объяснила Ирка. – Вот, слушай: «Зайчик, двадцать ноль-ноль, юность, приготовь морковку». И что, по-твоему, это значит?

Я крепко задумалась. Ирка, сурово сведя брови галочкой, терпеливо ждала ответа.

– Ну двадцать ноль-ноль – это, понятно, время, – протянула я.

– Время встречи, – уверенно кивнула Ирка. – Место встречи не названо, из чего я заключаю, что оно моему неверному мужу и так известно. Видимо, он бывал там уже не единожды.

– Даже если и так, не понимаю, почему ты сразу ведешь речь о супружеской неверности! – возразила я. – Моржик...

– Его называют зайчиком и просят приготовить к условленному свиданию морковку! – оборвав меня, горько усмехнулась Ирка. – Думаешь, я начисто лишена фантазии? Думаешь, я не догадываюсь, какими подвигами ознаменована жизнь среднестатистического половозрелого зайчика? Тем более его юность? Да я тысячу раз видела эмблему «Плейбоя» и слышала выражение «плодятся как кролики»!

– А объяснения Моржика ты услышать не пыталась? – спросила я. – Спросила бы его как законная зайчиха, куда твой резвый зайчик бегает по вечерам с морковкой наготове?

– Спросить – и спугнуть? – возмущенно фыркнула Ирка. – Чтобы мой зайчик начал петлять и путать следы? Нет уж! Я предпочитаю сама во всем разобраться!

– Сама? – Меня посетило нехорошее предчувствие.

– С твоей помощью, конечно! – подтвердила мои худшие подозрения Ирка.

Я застонала:

– Совести у вас нет: и у тебя, и у Анки!

– У нас не совести: у нас дедуктивного мышления нет, – сказала подружка, откровенно стараясь мне польстить. – Зато у Анки есть деньги, а у меня время...

Она посмотрела на красочный календарь «Традиционные праздники русских крестьян» и добавила:

– До конца недели.

– «До пятницы я совершенно свободен!» – съязвила я.

– До субботы, – поправила Ирка, снова посмотрев на календарь.

Я взглянула туда же и узнала, что в субботу будет День защиты живой природы. Точно, это Иркин профессиональный праздник, они с Моржиком держат торговую сеть «Наше семья», снабжают кубанских аграриев высококачественным посевным материалом.

– Хочешь, я на время стану твоим доктором Ватсоном? – предложила подружка.

– Да какой из тебя доктор! Ты даже горчичники лепить не умеешь, – отмахнулась я. – И Ватсон из тебя никакущий, потому что ты своенравна и абсолютна чужда англосаксонской невозмутимости.

– Зато я машину хорошо вожу! – с намеком сказала Ирка. – А тебе ведь понадобится собственный транспорт? Ты же не захочешь ловить наемные кабриолеты, как Шерлок Холмс, потому как тоже не обладаешь англосаксонским спокойствием!

– И лишними деньгами тоже не обладаю, – вспомнила я.

Это соображение решило дело.

Итак, я взяла на себя моральное обязательство найти куда-то пропавшую старую подругу Анки – раз и невесть откуда взявшуюся новую подругу Иркиного мужа – два. В свою очередь, Аня выдалась снабдить меня деньгами на расходы, а Ирка – обеспечить транспортом. Оставалось придумать, где взять время на детективную деятельность, но тут мне на помощь пришел Его Величество Случай.

Коммерческому директору телекомпании, в которой я работаю, удалось осуществить вековую мечту всего нашего трудового коллектива – заманить в число клиентов фирму, согласную расплатиться за наши рекламно-информационные услуги своими ремонтно-строитель-

ными. Для начала решено было в массовом порядке заменить трухлявые деревянные окна на пластиковые, и наш директор Гадюкин немедленно отправил всех сотрудников в принудительный недельный отпуск без содержания. Вот об этом-то никто из нас не мечтал! В штатном расписании телекомпании Рокфеллеры и Онассисы не числятся, подавляющее большинство моих коллег, как и я сама, живет от зарплаты до зарплаты.

– Теперь ты просто вынуждена принять мое предложение! – радовалась Анка, торопливо потроша бумажник.

Из толстого портмоне на пол сыпались купюры, с которыми избалованная младшенькая Анюты играла, как с сухой листвой, на что семнадцатилетний старший смотрел с недовольством. Наверное, парень думал, что мог бы распорядиться этими денежками лучше, чем его мамочка и сестричка.

– Ладно, сыщицкий гонорар можешь не брать, но твой недельный журналистский заработок я компенсирую, это будет справедливо, – заявила Анка.

Я уже не возражала. Гадская выходка жадюги Гадюкина не оставила мне выбора.

– Это судьба! – сказала Ирка и с намеком забрехала ключами в кармане.

Ей не терпелось пуститься по следу своего неверного зайчика.

Начало охоты мы назначили на утро нерабочего для меня понедельника.

Для разнообразия я предполагала объявить это самое утро открытым часиков в десять, не раньше, и думала начать хождение по детективным мукам с посещения кондитерской. Там мы с подружкой, мужественно преодолевая страх утратить стройность фигур, слопали бы по паре-тройке пирожных, запили бы их молочным коктейлем и между прочим составили бы черновой планчик ближайших сыщицких дел. Подчеркиваю: это была программа-минимум, из кондитерской мы с Иркой вполне могли совершить марш-бросок через модные лавки в ресторанчик и уже там за первым-вторым-третьим доработать проект в деталях.

К сожалению, этот прекрасный план пришлось изменить.

Ирка позвонила мне вечером. Мы с малышом как раз смотрели фильм про Буратино. На экране кот и лиса, ряженные разбойниками, безжалостно трясли деревянного мальчишку, некультурно называя его паршивцем и настойчиво допытываясь, куда он дел четыре золотых. Масяня хмуро смотрел на это фискальное безобразие и все чаще недобро поглядывал на кота Филимона, имеющего большое портретное сходство с толстомордым Базилио. Я предвидела, что бедняге Филимону предстоит сполна ответить за грехи киношного собрата, и заранее жалела кота. Он переехал к нам всего на три недели, на время тотального ремонта в квартире соседки, и еще не успел привыкнуть к тому, что сразу после утренней побудки Масяня принудительно вовлекает его в подвижную игру «Охота на тигра». Роль тигра почетна, но беспокойна – в процессе охоты Мася задействует весь арсенал своего игрушечного оружия. Отчасти благодаря этому, отчасти из-за того, что толстый кот убегает от преследования недостаточно быстро, Масина охота неизменно проходит удачно. «Тигра» всегда удается завалить, и остаток дня он лежит на ковре в состоянии, среднем между глубоким обмороком и летаргическим сном.

– Не обижай Филю! – предупредила я Масю, встав с дивана, чтобы подойти к телефону.

– А это не слепой кот? – с надеждой спросил ребенок, склоняясь над спящим зверем.

– Слепой, глухой, немой и парализованный! – хмыкнула я.

– Дзи-и-инь! – нетерпеливо повторил свой призыв телефонный аппарат.

– Иду! – я сняла трубку. – Да!

– Крекс-пекс-фекс! – командным голосом гаркнул Масяня в шерстистое кошачье ухо.

Волшебные слова чудесным образом оживили полумертвого карликового тигра. Он высоко подскочил и понесся в кухню, цокая когтями в беге по прямой и скрежеща ими на поворотах.

– Держи его! – восторженно завопил маленький разбойник и побежал следом.

Я вовремя распласталась по стеночке, пропустила мимо себя кавалькаду и повторила в трубку:

– Аллю, я слушаю вас!

– У-у-у-у! – из динамика послышалось жалобное завывание. – А-а-а!

– Добавьте согласных, – попросила я, настороженно прислушиваясь к происходящему в кухне.

Там с грохотом упала деревянная табуретка, послышался радостный визг и что-то разбилось.

– Я-а-а-а...

– Перезвоните, когда надумаете поговорить! – Я хотела повесить трубку, но не успела.

– Ле-е-енка! У-у-у! – прорыдала Ирка. – Я в отчаянии! Моржик... Он опять!

– Играет в зайчика? – догадалась я.

– Хуже! Теперь он ласточка! Как тебе?

– Ласточка?!

Я представила себе Моржика, проносящегося над постелью в бреющем полете, и потрясла головой.

Стремительные ласточки прежде никогда не казались мне особенно эротичными созданиями, хотя ведь и они как-то умудряются размножаться...

– Да, пока Моржик был в ванной, я проверила его мобильный и обнаружила такое сообщение: «Завтра в 18.30, ласточка, сделаем это у фонтана!»

– В восемнадцать тридцать в октябре еще светло, а у фонтанов в жару многолюдно, – заметила я. – Какие смелые ласточки! Делают «это» белым днем в месте массового скопления народа! Вроде я раньше не замечала за Моржиком склонности к эксгибиционизму!

– Это все она, эта дрянь, его тайная пассия, – мрачно сказала Ирка. – Она очень дурно влияет на Моржика.

– Тогда мы еще более дурно повлияем на нее! – заявила я, торопясь утешить расстроенную подружку.

– Набьем ей заячью морду? – с надеждой спросила обманутая жена.

– И повыдергаем птичьи перышки! – добавила я.

– Отлично! – Кровожадный энтузиазм вытеснил из голоса Ирки обиду и скорбь. – Значит, я заеду за тобой завтра в половине пятого. Мы сядем Моржику на хвост, проследим за ним, потому что иначе не найдем нужный фонтан, и накроем зайцевидных ласточек прямо на месте преступления против морали и нравственности!

– Завтрашний вечер обещает быть интересным, – без большого восторга пробормотала я, но подруга уже отключилась и моих слов не услышала.

Дверь квартиры, к которой я в процессе разговора удобно привалилась спиной, содрогнулась и затряслась. Думая, что это пришел с работы глава нашего семейства, я посторонилась и открыла дверь, но за ней стоял не Колян, а чокнутая бабка Светлана Михеевна со второго этажа. На ней были байковые пижамные штаны и большая, некрасиво растянутая трикотажная майка, под которой явственно виднелся бюст, конфигуративно вполне соответствующий майке. Когда-то Михеевна была красоткой, но те времена давно прошли, оставив пожилой даме на память о себе неистребимую привычку броско наряжаться. Штаны на Михеевне были ярко-зеленые, майка желтая, а на голове пламенел широкий красный ободок, похожий на кокошник. Он удерживал от эмиграции с полуголового черепа престарелой кокетки последние волосики, выкрашенные в насыщенный бордовый цвет.

Пробегающий мимо Маса при виде красно-желто-зеленой Михеевны остановился и громко, с радостной надеждой спросил:

– Мамочка, уже пришел Новый год?

– Нет еще, – ответила я и вопросительно взглянула на пришедшую вместо Нового года Михеевну.

Она была мало похожа на Деда Мороза и еще меньше – на Снегурочку. Бабка нервно притопывала ногой и похлопывала себя по расплывшемуся бедру пластмассовой мухобойкой.

– Опять грохочете?! – накинулась она на меня. – Я уже предупреждала, будете грохотать – милицию вызову! И грохочут, и грохочут, сволочи! Сколько можно грохотать?

– По закону любой сволочи можно грохотать до одиннадцати часов вечера! – вежливо ответила я, посмотрев на наручные часы. – А сейчас только восемь.

– Так вы еще три часа грохотать будете?! – возмутилась соседка.

– Нет, не будем, – успокоила я ее, не желая скандалить с сумасшедшей. – Мы на сегодня свой норматив по грохоту уже выполнили, идите к себе.

– Мамочка, бабушка идет на елку? – встрял в разговор Масыня.

– О чем говорит этот ребенок? – напряглась Михеевна.

– Не знаю, – я пожала плечами. – Нет, Коля, бабушка не идет на елку.

– А почему она в костюме? – не отставал любознательный ребенок.

– Чем ему не нравится мой костюм? – заволновалась старая модница.

– Красивый костюм! – совершенно искренне похвалил Масыня. – Красный, желтый, зеленый! Ты, бабушка, в костюме Светофорика, правильно?

Я прыснула в ладошку. Михеевна гневно покраснела, еще глубже вживаясь в колоритный образ Светофорика, и угрожающе сказала:

– Ах, вы так! Ну ладно! Сволочи! – и захлопнула дверь.

Я вздохнула. С соседями надо жить мирно, а с такими соседями, как Михеева, – в особенности. Она жутко вредная бабка. Ее манера всех вокруг называть сволочами – это еще полбеды. В прошлом году, когда маленький Масыня вырос до почтового ящика и повадился хлопать его металлической дверцей, эта гримза в борьбе за кладбищенскую тишь намазала нам ящик солидолом! Пришлось покупать новое вместилище для почты и новые варежки для ребенка. Жаль, не было возможности заодно купить новую квартиру.

– Коленька, пожалуйста, не надо больше топать, кричать и ронять табуретки, – попросила я. – Баба Света очень сердится, когда шумят.

– Ба-бах! – с грохотом распахнулась входная дверь.

– А вот и я! – радостно возвестил Колян.

Говорил он в полный голос, но слышно его было плохо, человеческую речь заглушил возмущенный животный крик: карликового тигра Филимона, неразумно спрятавшегося от Масыни за дверь, прижало к стене.

– Филя! – закричала я.

– Папа! – завопил Масыня.

– Сволочи! – заорала Михеевна, разноцветная фигура которой нарисовалась на лестничной площадке позади Коляна.

– Баба Света-Светофорик! – громогласно возрадовался Масыня.

– Да чтоб вас всех приподняло и шлепнуло! Сволочи! – заругалась взбешенная Михеевна. – Ненавижу! Никакой жизни через вас нет!

– Да чтоб вы онемели! – Я не выдержала и рывкнула еще громче.

Не ожидавшая этого Михеевна ненадолго заткнулась, и Колян молча закрыл перед ней дверь. Крикливая бабка потопала к себе и, пока шла вниз по лестнице, костерила наше семейство на все корки.

Этот неприятный инцидент не заслуживал бы упоминания, не получи он продолжения на следующий день.

Понедельник

– Ключи! Мобильник! Кошелек! Коля, пошел!

– Сок! Печенье! Машинка! Где няня?

– Я здесь!

– Мася, пошел!

Мои любимые мужчины в боевой тройке с няней, данной в сопровождение младшему Коляну, дружно десантировались с третьего этажа.

– Восемь сорок восемь! – я посмотрела на часы, смахнула пот со лба, устало бухнулась в кресло и оглядела ежеутренний разгром. – Нормально пошли...

Коля-большой не успел заправить постель, зато маленькому вполне хватило времени, чтобы разбросать по всей детской игрушки. На кухонном столе стояла грязная посуда, а вот кошачья миска сияла девственной чистотой.

– Мя! – неподобающе тонким голосом вякнул толстяк Филимон, устремив на меня молящий взор круглых зеленых глаз.

Я неохотно поднялась, задала корма скотинке, привела в порядок квартиру, а потом завалилась на диван с намерением поспать до полудня, но с удивлением обнаружила, что никак не могу уснуть. Организм, приученный существовать в режиме постоянной гонки, жаждал движений и действий.

– Отлично, – я приняла вертикальное положение, переместилась к телефону и стала названивать по номерам, которые дала мне Анка.

Номер телефона в квартире, где год назад жила Анютина подруга Маша Петропавловская, остался прежним, но хозяйка там поменялась. Басовитая тетка, снявшая трубку, популярным языком с преобладанием ругательств сообщила, что чернявая курва с этой хаты давно съехала к чертям собачьим, и мне тоже было рекомендовано незамедлительно отправиться в указанном направлении. Адрес показался мне недостаточно точным, поэтому я не тронулась с места и позвонила одному из Машиных экс-супругов. Его телефончик Анюта раскопала в старой записной книжке.

– Мария Петропавловская? А кто такая Мария Петропавловская? – высокомерно поинтересовался дребезжащий тенор. – Ах, моя бывшая супруга! В мое время она звалась Марией Кашиной. Нет, я давно не общаюсь с этой гражданкой. Извините!

Тут у меня возникла мысль, которой я поделилась со спящим Филимоном:

– Похоже, эта Маша не самая приятная особа!

Филя со мной согласился – то есть промолчал. Я позвонила парикмахерше, которая пару лет назад регулярно обслуживала Анку и изредка – за компанию – ее подружку, но мастерица Марию Петропавловскую-Кашину даже не вспомнила, хотя об Анюте говорила с нежностью и тоской. Вероятно, Маша в отличие от Анки не была щедра на чаевые.

Последней моей надеждой была некая Анфиса Блок, пожелтевшую визитку которой Анюта нашла в кармане своей старой шубы. Вроде эта самая Анфиса когда-то работала с Марией Петропавловской в одном офисе.

– Да это же было сто лет назад! – сказала однофамилица поэта, когда мне удалось прорваться к ней сквозь бесконечные короткие гудки.

Чувствовалось, что госпожа Блок очень любит поговорить.

– Мы вместе работали... Дай бог памяти... В «Покупайке»? Или в «Пассаже»? А, нет, в «Городских огнях»!

– В журнале? – заинтересовалась я.

Анка снабдила меня чрезвычайно скудными сведениями о жизни подруги. На вопрос, чем Маша занималась, она ответила в двух словах: «Фигней всякой». Теперь же выяснялось,

что обидное словечко «фигня» обозначает достойнейшую профессию журналиста! Я с трудом преодолела позыв обидеться.

– Да разве это журналы? – пренебрежительно фыркнула моя собеседница. – Вот сейчас я в настоящем журнале работаю, в «Женском клубе», там мы не только рекламу гоним, а даже интервью с бизнес-леди печатаем!

– Прекрасно, – сказала я, торопясь вернуться к интересующей меня теме. – А где сейчас работает бизнес-леди Петропавловская, не знаете?

– Не знаю, я о ней давненько ничего не слышала.

– Чудесно! – с досадой сказала я Филимону, положив трубку. – Замечательная девушка эта Маша! Никто ее не видит, никто не слышит и, главное, ни видеть ни слышать не хочет! А я должна ее, такую глубоко законспирированную, найти!

Тут телефон требовательно звякнул, я сняла трубку и услышала голос условно любимого директора Гадюкина.

– Елена, ты нам мрамор не найдешь? – деловито спросил он.

Подумав, что окружающие сильно преувеличивают мою находчивость, я покачала головой. Мрамор у меня ассоциировался, главным образом, с надгробиями. Лично Гадюкину я организовала бы прекрасную могильную плиту в два счета, но местоимение «мы» явно указывало, что мрамора он жаждет не только для себя. Может, для братской могилки сотрудников?

– Готовите массовое захоронение, Иван Афанасьевич? – съехидничала я.

– Нет, мрамор нужен для ступенек, – терпеливо объяснил директор. – Мы решили рискнуть и пойти на евроремонт.

Это монаршее «мы» меня разозлило. Их Величество Гадюкин отважно пойдут на евроремонт, а бедные телевизионные смерды останутся в отпусках без денежного содержания до Нового года!

– Тогда на могилки тоже рассчитывайте, – посоветовала я. – Если ваш рискованный евроремонт затянется, можно прогнозировать падеж коллектива от бескормицы!

– О какой бескормице ты говоришь? – обиделся директор. – Тебе-то голодная смерть точно не грозит, ты без работы не останешься. Я вас с Рябушкиным в командировку отправляю.

– Куда?! – ужаснулась я.

Командировки означают для меня разлуку с горячо любимой семьей и потому категорически не приветствуются.

– На форум, – ответил Гадюкин. – Будете нашими консультантами при оргкомитете. И смотрите там, чтобы на этот раз фланцы стояли как надо!

– Флайки, а не фланцы! – облегченно засмеялась я.

Форум, на который меня командировали, проводится в нашем городе.

– Фланцы, флайки – не вижу разницы! – буркнул Гадюкин и отключился, напоследок еще раз наказав мне крепко подумать, где взять мрамор.

На радостях, что не надо никуда ехать, я проявила не свойственную мне доброту и не сказала этому идиоту, нашему директору, что фланцы – это такие штуки по водопроводно-канализационной части, а флайками на профессиональном жаргоне называются специальные машины, которые передают телевизионный сигнал на спутник по принципу «fly away». Гадюкину никакой ликбез не поможет, он в телевидении не просто дуб, а дубовый пень, вполне довольный своим древесно-стружечным существованием.

Тем не менее, движимая чувством благодарности к начальству, не сославшему меня в тьмутаракань, я не поленилась открыть бесплатную газетку, которую только вчера вечером извлекла из почтового ящика и еще не успела отправить по более правильному адресу – в мусорку. Черно-белая, точнее, черно-серая газетенка в четыре полосы претенциозно называлась «Мир камня» и являла собой нечто среднее между стенгазетой Саянского мраморного карьера и ассортиментным перечнем изделий артели кустарей-камнерезов. Иллюстративная

часть издания была представлена скверными фотографиями мраморных умывальников, подоконников, ступеней и балясин, а содержательная – рядом тематических рекламных объявлений и одной передовой статьей под аксиоматичным заголовком «Искусство вечно». По-своему аргументируя этот, в общем-то, не нуждающийся в доказательствах тезис, автор материала оригинально увязывал творчество Праксителя, опыт эксплуатации древнеримских терм, исторически сложившиеся требования к сооружению склепов и мавзолеев и традиции современного садово-паркового дизайна. У потенциального покупателя должно было сложиться впечатление, что мраморные конструкции, приобретенные им по сходной цене, он может использовать как при жизни, так и по окончании таковой, а при похвальном отсутствии эгоизма – оставить их в наследство своим потомкам до седьмого колена включительно. Я не без удовольствия прочитала этот опус, заинтересовалась личностью автора и пришла в полный восторг, узрев подпись: Мария Петропавловская! Мне чудесным образом повезло.

«Это не везение, а прямое вознаграждение за хорошее поведение, – менторским тоном сказал мой внутренний голос. – Ты проявила душевное благородство, решив помочь гадкому Гадюкину, и высшие силы немедленно засчитали тебе это в плюс!»

– Интересная версия, – сказала я вслух. – А вот еще одна: путем повседневных страданий и мук я поднялась до духовных вершин, подобающих высшим силам, и сама обрела толику сверхчеловеческих способностей!

Теперь уже смешливо фыркнул мой внутренний голос. Похохатывая и хмыкая, я приступила к поиску редакционных контактов.

В самом низу последней страницы газеты были указаны адрес и телефон редакции. Набрав указанный номер, я нетерпеливо прослушала двухминутную музыкальную композицию из серии долгих гудков, фрагмента «Лунной сонаты» и задорного мышинного писка факса, включенного в автоматический режим. Уяснив, что дозвониться в «Мир камня» можно только при наличии такого количества времени и терпения, которым в этом мире я располагать не могу, я решила, что проще будет съездить по указанному адресу.

Собралась я быстро, но с выходом из дома немного задержалась. На лестничной площадке переминался незнакомый мне юноша. Поскольку на нашем третьем этаже всего две квартиры, а выше – только крыша, с моей стороны было вполне естественно поинтересоваться:

– Вы к кому?

В моем голосе прозвучало невысказанное подозрение. Домоуправление никак не поставит металлическую подъездную дверь, которая препятствовала бы проникновению в дом посторонних. Правда, обычно некультурные граждане, испытывающие внезапную и непреодолимую потребность в уборной, не поднимаются выше первого этажа, но незнакомец мог оказаться исключением из правила.

– К вам, – сказал юноша, глядя на меня с опаской и интересом.

Такое выражение было мне хорошо знакомо – его приобретает морда кота Филимона, когда Масяня приближается к нему с открытым забралом и без оружия.

– Вы не ошиблись? – на всякий случай я попятилась.

У меня неплохая память на лица (в отличие от памяти на имена), и такую веснушчатую физиономию с носом-картошкой и глазками-смородинками я бы точно не забыла. Вдобавок молодой человек был рыжеволос, как мультипликационный Антошка.

– Это же вы из двадцать третьей квартиры? – спросил он.

Я покосилась на собственную дверь, украшенную блестящими желтыми цифирками «2» и «3». Их сочетание не оставляло мне возможности ответить отрицательно.

– Ну я. А что?

– Отворожите меня.

– Чего?!

– Отворожите, – повторил рыжий. – Я знаю, вы можете.

– Елена Всемогушая! – фыркнула я.

Странный юноша даже не улыбнулся, и тогда я язвительно поинтересовалась, на основании каких клинических признаков молодой человек диагностирует у меня наличие паранормальных способностей. Я как-то не так выгляжу? Например, ослепляю упомянутого молодого человека искрометным сиянием своей ауры? Или, сама того не замечая, игриво подмигиваю ему третьим глазом?

Тут рыжий юноша неожиданно сам мне подмигнул:

– Рассказывайте! А как же бабушка?

– Какая еще бабушка?!

Энергично подмигивающий растрепанный рыжий выглядел очень нездорово и даже где-то демонически, так что я стала подозревать, что бабушка им упоминается не иначе как чертова.

Подозрения мои, считай, оправдались. Из дальнейшего сумбурного и эмоционального рассказа выяснилось, что рыжий хлопец приходится внуком вредоносной старушенции Светлане Михеевне. Вчера вечером, находясь в потрясении от моего невежливого пожелания онеметь, баба Света-Светофорик заглазно ругала своих соседей оптом и в розницу до тех пор, пока действительно не потеряла голос. К утру ее нормальный басовитый рык не восстановился, Светлана Михеевна сипела, как чайник, и уверенно объясняла это действием моего проклятия. А рыжеволосый внучек Витька то ли унаследовал слабоумие с дефектными генами далеких предков, то ли подхватил заразу инфекционного идиотизма непосредственно от бабули. Он с готовностью уверовал в мой колдовской дар и явился с просьбой о его чудесном избавлении от неразделенной любви к некой Галке.

– Елки-палки! – мягко, с учетом юного возраста собеседника, выругалась я. – Что за Галка?

Рифма, родившаяся спонтанно, была достойна Чуковского.

– Зеленина Галка, из десятого «Б» класса, – краснея, объяснил потомственный слабоумный. – Из Барановской сорок шестой спецшколы. Я тоже там учусь.

Секунду подумав, я отбросила казавшееся вполне вероятным предположение, будто специализация сорок шестой Барановской школы заключается в обучении людей с интеллектом одноименных животных. Я вспомнила, что где-то на необозримых просторах нашей страны есть такой город – Баранов. Искренне сожалея, что мой тупоголовый собеседник зачем-то оставил этот стольный град мелкого рогатого скота, я твердо сказала:

– Вы ошибаетесь, я колдовать не умею, не хочу и не буду! – обошла рыжего Витю по дуге и заторопилась вниз по ступенькам.

Коренной барановец что-то жалобно блеял мне вслед, но я не остановилась и не оглянулась.

За исключением этого маленького приключения, утро складывалось на редкость удачно.

Редакцию рекламной газеты «Мир камня» я нашла без труда, что вполне можно было считать чудом, так как офис «мирных каменщиков» помещался в глухом аппендиксе полуподвального помещения, простирающегося под десятиэтажным зданием сложной архитектуры на манер катакомб. При неудачном стечении обстоятельств я могла блуждать в лабиринте однотипных унылых коридоров до скончания века. Как минимум до тотальной реконструкции деловой части городского центра, долгожданное начало которой наша несуетная до заторможенности мэрия запросто может приурочить к началу следующего столетия. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло: на подходе к зданию я решила проверить, хорошо ли выгляжу, выудила из сумки пудреницу и тут же уронила ее на асфальт. Круглая, похожая на широкое колесико, коробочка не разбилась, но резво покатила под уклон, и я в полупоклоне догоняла ее добрых тридцать метров. На финише шустрая пудреница упала в отвер-

стие решетки, закрывающей одно из окон полуподвального этажа, и осталась лежать на мягкой подстилке из сухой листвы на глубине около метра. Руки у меня значительно короче указанной длины, а пудреницу тем не менее вернуть хотелось. Я некоторое время гипнотизировала беглую косметическую принадлежность призывным взором, не без огорчения убедилась, что природный магнетизм и умение перемещать предметы взглядом в число моих предполагаемых экстраординарных способностей по-прежнему не входят, и не придумала ничего лучшего, как постучаться в окошко.

Оно открылось, явив моему взору щекастую физиономию кудрявого индивидуума неопределенного пола. В дипломатических выражениях, не предполагающих возможность грубого ответа, я сформулировала свою нижайшую просьбу. Индивидуум, оказавшийся при ближайшем рассмотрении настоящим джентльменом, не только достал и вернул мне пудреницу, но и пригласил заглянуть к ним в редакцию на чашечку кофе. Услышав слово «редакция», я насторожила уши, уточнила название издания и, узнав, что это и есть он самый – «Мир камня», – с радостью приняла приглашение.

Кудрявый джентльмен вышел навстречу и сопровождал меня в офис, где откровенно скучали еще один молодой человек – лысый как коленка – и симпатичная девушка. «Мирные камешки» играли по сети в «Империю», пили кофе и пригоршнями ели маленькие шоколадки с оттиснутым на них изображением унитаза. Это сочетание показалось мне парадоксальным и откровенно компрометирующим основной ингредиент кондитерского продукта, но офисные жители объяснили, что шоколадки не простые, а презентационные. Их всучил редакционному народу клиент – близкородственная компания «Мир сантехники» – в знак признательности за бесплатную рекламу мраморных унитазов.

– Миру мир, – пошутила я по этому поводу.

Кудрявый юноша с готовностью засмеялся, его лысый товарищ хихикнул, а вот девушка за компьютером осталась к моему остроумию огорчительно равнодушна. Я внимательно посмотрела на ее аккуратный русый хвост. Могли ли волосы такого цвета в темноте показаться мне черными?

– Простите, а это не Маша? – шепотом поинтересовалась я у кудрявого.

– Нет, не Маша, – ответил он с искренним сожалением.

– Это Катя, – шепнул лысый.

По его тону чувствовалось, что Кати в этой компании котируются гораздо ниже, чем Маши.

– А Маша у вас есть? – спросила я, настойчиво продолжая гнуть свою детективную линию.

– Нету у нас Маши, – сожаление в голосе кудрявого превратилось в настоящую скорбь. – Ни одной!

– Ни единой! – со вздохом подтвердил лысый. – А вас как зовут?

Оба уставились на меня так жалобно и печально, словно надеялись, что я самовыдвинусь в Маши.

– Я Лена, – сказала я, и парни дружно вздохнули.

Очевидно, приятных воспоминаний, связанных с Еленами, у них не было вовсе.

– Мария Петропавловская, ваш автор, – напомнила я, достав из сумки сложенную вчетверо газетку. – Я ищу ее.

– Ах, эта Маша! – Кудрявый пренебрежительно махнул рукой. – Это, знаете ли, и не Маша вовсе.

– Это я, – кокетливо сообщил лысый.

Он ковырнул линолеум носком башмака сорок пятого размера, похлопал куцыми ресничками и сделал губки бантиком.

Я озадаченно посмотрела на кудрявого.

– Петя у нас нормальный, – успокоил меня он. – Во всех смыслах! Просто Маша Петропавловская – это его псевдоним.

– Я Петр Михайлович Павлов, – лысый шаркнул ножкой. – Петр М. Павлов – М. Петропавловская!

– Безоперационный метод перемены пола, – хихикнул кудрявый.

– А зачем вы меня искали, Леночка? – мурлыкнул Петя и сделал попытку ухватить меня за локоток.

– Увы, не вас! – вовремя посторонившись, сказала я. – Прощайте, Петя! Наша встреча была ошибкой.

– Увы мне! – вздохнул лысый.

– Увы нам! – тут же примазался к его скорби кудрявый.

– Клоуны! – не оборачиваясь, недовольно сказала русохвостая не-Маша. – Идите доигрывать! Петька, еще минута – и мои ратники разрушат твою крепость до основания!

Азартный офисный люд потерял интерес ко мне и устремился к компьютерам. Я адресовала свои прощальные слова загоревшимся мониторы спиной и ушла.

Мое возвращение из «Мира камня» в лучший из миров немного затянулось. Я заблудилась в извилистом коридоре и вместо того, чтобы вернуться во двор, оказалась у лифта. Он тоже обещал выход, поэтому я без колебаний вошла в кабину, нажала кнопку с цифрой «1», поехала вверх и... застряла на полпути.

– Ой! – пискнула я, когда погас свет.

«Что – ой? – поразительно хладнокровно спросил мой внутренний голос. – Это еще не «ой», «ой» было бы, застрянь ты в лифте не одна, а в плохой компании».

– Лифтовые маньяки у нас вроде уже не водятся, – напомнила я. – Последнего такого Лазарчук выловил.

Наш общий с Ирккой, Моржиком и Коляном добрый друг – капитан милиции Сергей Лазарчук в прошлом году взял лифтового маньяка, на счету которого было четыре загубленные женские жизни. Серегу за подвиг наградили суперсовременным японским холодильником «Панасунг», который умеет говорить. Правда, у Лазарчука супертехника, главным образом, ругается: замотанный мент систематически забывает пополнять свои продовольственные запасы, а «Панасунгиха», как природа, не терпит пустоты.

Я вспомнила об этом не потому, что проголодалась. Воссоздавая в мыслях мужественный образ героического капитана милиции, я старалась побороть накатывающий страх. Поверьте, мало приятного оказаться на неопределенное время запертой в тесной коробке темного лифта!

«А где у тебя ручки с презентации форума?» – с дальним прицелом спросил внутренний голос.

– Я кто, по-твоему, – некультурный подросток? Не буду разрисовывать общественный лифт! – возмутилась я.

«Ручки с подсветкой!» – терпеливо напомнил голос.

Красивые темно-синие ручки с надписью «Форум» в количестве трех штук мне подарили на пресс-конференции по поводу начала подготовки этого мероприятия. Помимо основной функции, каждое стило играло роль рекламно-информационного продукта: в торце его помещался фонарик, накрытый увеличительным стеклом. Он проецировал на стены, экраны и иные подходящие поверхности светящийся логотип форума.

Одну ручку Маша у меня утащила, но две уцелели. Я достала их, включила, и лифт озарился призрачным голубым светом. Держать фонарики в руках на манер церковных свечек было как-то глупо, и я проявила изобретательность: пристроила их в дырки от отсутствовавших лифтовых кнопок. Заодно обнаружила, что на панели имеется кнопка вызова персонала. Я придавила ее, подержала, не дождалась ответа и отпустила, потом снова придавила –

отпустила и так развлекалась до тех пор, пока не сообразила, что без электропитания волшебная кнопочка, наверное, не работает. Тогда я стала покрикивать:

– Люди! Эй, люди! Кто-нибудь меня слышит?

Кто-то, видимо, услышал, потому что примерно через минуту динамик над моей головой прохрипел с досадой и откровенным укором:

– Что, опять?!

– Добрый день, я тут застряла между подвалом и первым этажом! – торопливо сообщила я, устремив на махровую от пыли решетку динамика взгляд, исполненный робкой надежды.

– А говорите – добрый день, – голос насмешливо хрюкнул, а затем посуровел и басовито рывкнул: – Васька, салага! Чеши на первый, швартуй лифт вручную, там человек на борту!

– Ща-а-а! – без малейшего энтузиазма отозвался в отдалении салага-Васька.

Голос его был еле слышен, из чего я заключила, что Васька находится где-то очень далеко, чесать на первый этаж будет долго, так что отдать швартовы мне доведется еще не скоро.

«Ты, главное, до тех пор концы не отдай!» – съязвил мой внутренний голос.

– Не волнуйся, я в порядке, – сказала я.

Реальная перспектива получить помощь мгновенно подняла мой боевой дух. Я настроилась на позитивно-конструктивный лад и вспомнила, что у меня есть еще пара условно-осветительных приборов: мобильник и карманный компьютер. Телефон еще мог пригодиться для экстренной связи, так что его разряжать я не спешила, а вот наладонник расчехлила и включила. КПК в режиме работы с полной подсветкой мог сойти за ночничок.

Впрочем, на боковую я не собиралась. Во-первых, не хотела проспять появление своего спасителя Васьки, во-вторых, обнаружила, что в лифте действует беспроводной Интернет. Очевидно, кабина очень удачно зависла в непосредственной близости от офиса какой-то серьезной конторы, оснащенной Wi-Fi. Это был приятный сюрприз! Теперь лодырь Васька мог не спешить, я нашла чем заняться.

Я залезла в Интернет, узнала свежие новости, ознакомилась с прогнозом погоды и, выполнив таким образом обязательную программу, перешла к вольным упражнениям. Анка обмолвилась, что ее подружка Маша Петропавловская занималась «всякой фигней», и я из чистого озорства забила в строку поисковика именно это сочетание: «Всякая фигня». К моему удивлению, система без промедления выдала мне дюжину ссылок, в каждой из которых присутствовало искомое словосочетание. Оказывается, пару лет назад в нашем городе открылось и с тех пор более или менее успешно работает арт-бутик дизайнерских аксессуаров «Всякая фигня»! На официальном сайте этой лавочки с претензиями я нашла и Машу Петрову-Павловскую (почему-то через дефис), и нужный телефончик.

– Добрый день, «Всякая фигня», – ласково прощебетал приятный женский голос.

– Добрый день, коллеги! – на улыбке ответила я, подумав, что словом «фигня» вполне можно назвать добрую половину продуктов, производимых нашей телекомпанией.

Чего стоят хотя бы идиотское ток-шоу с ясновидящей местного разлива Моной Манон и тщательно отрежиссированные программы с мэром, который каждый свой «прямой эфир» записывает с восьмого дубля! Да «Фигня Продакшн» – наше второе имя!

– Марию Петрову-Павловскую можно услышать?

– Кого, простите? Кто вам нужен?

– Мария Петрова-Павловская, она же Петропавловская, она же Зинченко, Кашина и Дорожкина, – отбарабанила я, вспомнив сообщенные Анкой фамилии Машиных экс-супругов.

– Вы из милиции? – оробела телефонная девушка.

– Из смежных структур, – уклончиво ответила я.

В отличие от капитана Лазарчука Шерлок Холмс никогда не ходил под погонами, но их деятельность имела очень много общего. То есть на коллег Серега и Шерлок не тянули, но смежниками их назвать можно было.

– Одну минуточку, – девушка положила трубку на стол – я слышала, как она стукнула о твердую поверхность, – и зашуршала бумажками. – Вот, Мария Петропавловская, тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года рождения, русская. Номер паспорта нужен?

– Лучше номер домашнего или мобильного телефона и адрес.

– Пожалуйста!

Любезная барышня продиктовала телефон и адрес гражданки Петропавловской, осторожно поинтересовалась причиной интереса силовых структур к сотруднице их фирмы и, получив неопределенно-успокаивающий ответ: «Плановая проверка!», вновь повеселела.

Мы мило распрощались. Я забила номер Маши Петропавловской в память своего мобильного, и тут наконец-то в игру вступил неторопливый салажонок Васька. Он что-то сделал с лифтом, кабина осветилась и резво подпрыгнула на полметра вверх. Двери разъехались, я вышла и приветливо улыбнулась своему спасителю.

– Ну как там? – с интересом спросил он, кивнув на кабину.

– Отлично! – совершенно искренне похвалила я, пробегая мимо. – Полное уединение, приглушенный свет, бесплатный Интернет – идеальные условия для работы. Рекомендую! Да, кстати, о работе!

Я притормозила, чтобы сделать внушение нерадивому труженику лифтового хозяйства:

– Почему лифт в неисправном состоянии содержите?

– Да в нормальном состоянии наш лифт! – обиделся Васька. – Просто какие-то придурки его то и дело обесточивают. Видели, где у нас распределительный щит висит? Прямо в подъезде, под лестницей, а там кто только не ходит – и свои, и чужие, и хулиганье малолетнее. Дворнику сколько раз сказано было – не пускайте посторонних, а он говорит – мое дело двор убирать, а за лестницей пусть вахтеры смотрят.

– Так вы перевесьте свой щит!

– А он не наш, он электриков!

– Отлично поделились! – Я покачала головой. – Лифт ваш, щит электриков, лестница вахтеров, двор дворников! Вы еще за трубу на крыше отдельного ответственного назначьте!

– Ага! Трубочиста! – обрадовался Васька.

Под его веселый смех я пересекла фойе и выскочила из здания, но далеко не убежала. В карликовом скверике на пересечении двух улиц имелись свободные лавочки. Я с разбегу бухнулась на одну из них, вытянула из кармана телефон и набрала только что добытый номер.

Трубку долго не брали, но я была терпелива и все-таки дождалась отклика:

– Алло, кто это? – голос был женский, нервный.

– Добрый день, я могу поговорить с Марией? – подчеркнуто вежливо и спокойно спросила я.

– Да, это я, слушаю! – Мария говорила быстро, и большой приветливости я в ее тоне не уловила.

– Меня зовут Елена, я звоню вам по просьбе вашей подруги Анны Тороповой. Она потеряла все контакты с вами и очень хочет восстановить их. Пожалуйста, свяжитесь с Аней, ее адрес и телефон за последний год не изменились.

В трубке воцарилось молчание, однако это была не полная тишина, я отчетливо услышала фоновый звук – приглушенный пластмассовый треск, как будто тряхнули пузырек с таблетками. В сочетании с затянувшейся паузой в разговоре это наводило на мысль, что Мария спешно принимает лекарство. Либо она нездорова, либо ее сильно взволновал мой звонок.

Последнее предположение, вероятно, было ближе к действительности. Нервозности в Машинном голосе заметно прибавилось, появились откровенно истеричные нотки:

– Передайте Анне, что я не хочу ее видеть! И слышать не хочу! Нам не о чем разговаривать, у нас нет ничего общего!

– У вас общее прошлое, студенческая юность! – напомнила я. – И...

– Мы давно уже не студентки! – перебила Маша. – Аньке, что, скучно живетсЯ на всем готовом, за спиной богатого мужа? ХочетсЯ развлечь себя чужими проблемами? Нет уж! Мы разные люди, у меня своя жизнь, и не суйте в нее свои носы!

Трубка сердито загудела.

– М-да, – озадаченно сказала я, пряча телефон в карман. – Чужие носы – это Анкин и мой, надо понимать. Ладно, просьбу приятельницы я выполнила, пропавшую особу нашла, а дальше пусть сами разбираются, кто с кем дружит.

Я встала с лавочки, поправила сумку на плече и деловито огляделась, прикидывая, куда направить свои стопы. С детективным заданием Анки я справилась неожиданно быстро, так что появилась возможность перейти к делам, запланированным на более позднее время. Мне еще нужно было заскочить к Ваньке Лобанову, который обещал сегодня показать первые наброски иллюстраций, и появиться в Экспоцентре. Раз уж Гадюкин приставил нас с Вадиком наблюдать за процессом подготовки к форуму, надо хотя бы предложить организаторам свою бесценную консультативную помощь. Хотя я искренне надеялась, что от нее с благодарностью откажутся.

Экспоцентр дальше, чем мастерская художника, но туда можно добраться на маршрутке без пересадок, и я поставила визит к Лобанову вторым номером своей программы. Предполагалось, что на выставочной площадке я не задержусь.

Вадим Рябушкин, мой напарник-оператор, товарищ и друг, уже прибыл на место. Он стоял у глухой торцовой стены длинного павильона. Я увидела его издалека, потому что высокая спортивная фигура в черном на фоне белой баннерной ткани виднелась так же отчетливо, как таракан на потолке. Ассоциации с гадким насекомым у меня возникли безотносительно личности Вадика, он очень славный парень. Правда, изрядный разгильдяй и слишком большой любитель приятного женского общества.

Вадик стоял лицом к павильону, заложив руки за спину и склонив голову к плечу. Похоже, он что-то увлеченно рассматривал, хотя стена перед ним была совершенно пуста и чиста. Справа от Вадика переминался с ноги на ногу дюжий парень в оранжевом комбинезоне с надписью «Pirat» на нагруднике. В отличие от моего коллеги пират демонстративно отвернулся от павильона и хмуро смотрел в сторону.

– Привет! – сказала я, остановившись рядом с Рябушкиным. – Что тут у нас интересенького?

– Очень интересенький у нас тут пресс-центр, привет! – с готовностью откликнулся Вадик. – Сто метров в длину, десять в ширину.

– Небанальные параметры, – добродушно заметила я. – Но это не объясняет, почему ты смотришь на стену как баран на новые ворота?

Вадик и парень в комбинезоне переглянулись и громко заржали. Коллега под моим недоуменным взглядом быстро затих, а смешливый пират давился истерическим хохотом и сгибался пополам до тех пор, пока Вадик не треснул его ладонью по широкой спине.

– Я сказала что-то смешное? – холодно поинтересовалась я.

– Ужасно! – Вадик весело хрюкнул и утер слезу. – Про барана и новые ворота – это ты в самое яблочко! Видишь ли...

– Не видишь! – выдохнул пират и снова заржал.

– В этом чудесном пресс-центре нет дверей! – хихикнув, закончил оператор. – Проектировщик забыл их нарисовать, а застройщик строго следовал плану.

– А кто у нас застройщик? – спросила я.

Хохотун в комбинезоне заржал на два тона громче.

– А проектировщик?

– Я проектировщик, – сухо сказал мужичок, появление которого мы за бурным весельем не заметили.

– Виталий Иванович! – обрадовался Вадик. – Разгадайте загадку: «Без окошек, без дверей – полна горница людей»?

– Я уже знаю ответ – пресс-центр, – криво усмехнулся мужик. – И ничего страшного, сейчас разметим двери и прорежем где надо, большое дело, подумаешь! Клеенку резать – не кирпичи ломать!

Они с пиратом пошли решать, в каких местах будут вскрывать павильон, а мы с Вадиком в хорошем темпе пробежались по всей площадке и нашли еще одну замечательную недоделку. На пятиметровой высоты галерею, где планировалось поставить операторов с камерами, организаторы забыли сделать лестницу.

– Знаешь, а мне даже льстит эта святая вера в сверхъестественные способности журналистов, которые должны уметь проходить сквозь стены и левитировать! – отсмеявшись, сказала я Вадiku.

– Да, но левитировать с камерой в одной руке и штативом в другой мне лично будет затруднительно! – вполне серьезно ответил он.

Мы сообщили об обнаруженном недостатке все тому же Виталию Ивановичу, после чего дружно постановили на сегодня считать свой гражданский долг исполненным, пожали друг другу ручки и разбежались в разные стороны. Вадика в кафе у входа в Экспоцентр ждала очередная подружка, а мне предстояло нанести визит Ваньке Лобанову.

К сожалению, художник об этом забыл. Когда я приехала, дверь нужной квартиры оказалась наглухо заперта. Предполагая, что Ванька может находиться в тугоухом и гипоактивном состоянии «после вчерашнего», я звонила, стучала, топала и хлопала, пока из соседней квартиры не выглянул строгий старец с крепкой на вид деревянной клюкой. Дед по-военному кратко и доходчиво высказался относительно моей манеры оповещать народонаселение подъезда о своем прибытии и посоветовал идти дальше своим путем, пока он – дед – добрый. Представив, каким старикашка будет, если разозлится, я предпочла послушаться и пошла дожидаться Ваньку во двор.

Стоял чудесный октябрьский денек. Утром было довольно прохладно, но к полудню погода разгулялась. Минут пятнадцать я с удовольствием грелась в лучах неяркого осеннего солнышка и следила за кружением желтых и красных листьев, облетающих с высоких кленов. Ванька не зря нахваливал местоположение своего жилища, вблизи его дома находился не только магазин с круглосуточным доступом к крепкому спиртному, но и прекрасный старый парк. Сидя на лавочке, я видела разноцветные кроны деревьев над каменной стеной ограды.

Впрочем, наличие под боком магазина тоже было плюсом, который я оценила, когда как следует проголодалась. Торговая точка находилась где-то рядом, это я помнила, но днем местность выглядела иначе, чем ночью, да и путеводной светящейся вывески «...да питье» нигде не было видно. Пришлось спрашивать дорогу у аборигенов.

Таковым я сочла мужчину, который быстрым шагом шел мне навстречу с полиэтиленовым пакетом, набитым разной снедью: сквозь тонкий молочно-белый пластик смутно просвечивали цветные этикетки, а в разнообразных буграх угадывались очертания консервных банок и коробок.

– Добрый день, как к магазину пройти, не подскажете? – окликнула я запасливого гражданина.

– Прямо до гаражей, а там налево, – отозвался он, не сбавляя шага.

И вдруг запнулся и остановился:

– Лена? Что вы здесь делаете?

– Дима? – я с удивлением опознала в добычливом покупателе Анкиного любимого мужа. – А вы тут откуда?

– У меня офис рядом, – сказал он, переложив тяжелый пакет из одной руки в другую и заодно попытавшись спрятать в рукаве бутылочное горлышко, предательски торчащее из пакета. – Вы мимо шли, не видели вывеску – «Торопов и Сыновья»?

– Собираетесь перекусить на рабочем месте, всухомятку?

– Предпочел бы горячий домашний обед, да нет времени на переезды! – Торопов принужденно улыбнулся и заторопился дальше. – Простите, ради бога, спешу!

– Конечно-конечно, я вас не задерживаю, всего доброго!

Я проводила Дмитрия задумчивым взглядом и потеряла подбородок. Рассказать Анке о том, что ее любимый муж устраивает в офисе подозрительные обеды с выпивкой или пусть приятельница сама заботится о крепости семейных устоев?

«Мужики! – сокрушенно сказал мой внутренний голос. – Даже лучшие из них не свободны от позывов погусарить!»

Это была неприятная мысль, которая заняла меня надолго. Я заела ее шоколадкой, которую купила в благополучно найденном магазине, но слаще мне от этого не стало. Нет, вы посмотрите, что в мире творится! Анкин Димочка поит-кормит кого-то в офисе, причем за покупками бегает сам, лично, хотя мог бы послать секретаршу или шофера. Стало быть, не хочет свое офисное застолье афишировать. А Иркин Моржик тайком от супруги норовит поиграть на воле в эротичного зверька. Эх!

Вспомнив свое обещание помочь лучшей подруге в тихой охоте на игривых зайчиков и ласточек, я позвонила Ирке и спросила:

– Ты как? Не раздумала еще неверного мужа уличать?

– Только об этом и думаю, – заверила меня она. – Уже набросала список городских фонтанов, их шесть штук, не считая тех, что сооружены при разных кафешках и рестораниках. Эти, я думаю, можно исключить, там всюду столики стоят, люди сидят, хорошую эротичную игру развернуть негде.

Хорошая эротичная игра в Иркином понимании – это брачный танец касаток или любовная битва мастодонтов. Наша Ирен дама могучая, ей, чтобы развернуться во всей красе, нужен оперативный простор. Не случайно супружеское ложе в доме Максимовых сделано на заказ и по размеру вполне сопоставимо с вертолетной площадкой.

– Теперь думаю, у какого из шести фонтанов сделать засаду, – сказала Ирка.

– Ты же хотела проследить за Моржиком?

– Он меня перехитрил, – сердито ответила подружка. – Ускользнул из дома рано утром, якобы на рыбалку, и мобильный выключил. Типа, чтобы не спугнуть рыбку звонком!

– И теперь ты гадаешь, где Моржика с его рыбкой ловить? – сочувственно спросила я. – Предлагаю зайти с другой стороны. Ты знаешь вкусы своего мужа лучше всех. Если у него есть выбор из шести фонтанов, который из них он облюбует?

– Очень точное слово ты нашла, – пробурчала Ирка. – «Облюбует»! Впрочем, спасибо за идею. Я думаю, Моржик предпочтет какое-нибудь уединенное место, красивое и романтическое. Точно не площадь напротив администрации края! И не холл торгового центра «Москва». На мой взгляд, самые подходящие для этого дела фонтаны – на Затоне и в Ноябрьском парке. Давай заранее посмотрим оба.

– Начнем с Ноябрьской рощи, если ты не возражаешь, – предложила я.

Замшелая ограда, которую я созерцала с лавочки во дворе Ванькиного дома, окружала эту самую рощу, так что мне не нужно было никуда ехать. Четверть часа, пока Ирка из своего Пионерского микрорайона катила ко мне, в старый центр, я безмятежно загорала на лавочке, хрустя печеньем и булькая газировкой.

Впоследствии я вспоминала эти пятнадцать спокойных минут как период короткого затишья перед бурей.

У Анжелы был очень-очень плохой день. Конечно, он был бы еще хуже, если бы Роза и Люция не закрыли ее юбками, пока Марийка отвлекала милиционера. Если бы милиционер не был молодым парнем, а Марийка – красавицей с пышной грудью, Анжеле пришлось бы совсем худо. Так что день был не совершенно дрянной, но все-таки очень-очень плохой, потому что Анжелу опять поймали. Глупая толстая тетка схватила ее за руку, не позволив убежать. Если бы тетка не была толстой и большой, как корова, Анжела смогла бы вывернуться. Она не такая неловкая, как думает мама Захра. Она ведь успела передать Розе деньги, и не ее вина, что толстая тетка в последний момент спохватилась, сцапала Анжелу за руку и подняла крик на весь рынок. «Ах ты, воровка! – орала она, плюясь слюной. – Помогите! Милиция! Цыгане честных людей грабят!» Молодой милиционер услышал крики и прибежал, и бесполезно было объяснять ему, что никто эту честную корову не грабил. Она сама захотела, чтобы Анжела сказала ей всю судьбу, сама дала ей за гадание монетку и сама же потом завернула пятак в бумажные деньги. Анжела быстро, как учила мама Захра, передала деньги Розе, но тут тетка опомнилась и схватила ее за руку. И Розе пришлось вернуть тетке деньги, чтобы она отпустила Анжелу. А Марийке пришлось быстро оборвать пуговицу на кофте, чтобы вовремя показать молодому милиционеру свою пышную грудь. Только поэтому Анжела смогла убежать. Но на руке у нее остались следы цепких толстых пальцев крикливой тетки, и рука уже болела. И ухо тоже болело, потому что мама Захра очень больно по нему ударила. Она сказала, что от Анжелы не будет никакого толку, а Роза с Люцией обидно смеялись. Им было весело, потому что их мама Захра не ругала. Роза сегодня тоже гадала, и у нее все получилось. А Люция ничего не делала, но ей это можно, потому что она маме Захре родная дочь. А Анжела не родная, так что мама Захра не пожалеет отдать ее за старого Георгия. Она так и сказала: «Все, пойдешь за старого Георгия».

Анжела всхлипнула и вытерла лицо рукавом шерстяной кофты. Длинные ворсинки прилипли к мокрой коже, и стало совсем противно. Выходить за старого Георгия ужасно не хотелось, потому что он взаправду старый, без зубов и с лысой головой. «У него уже было две жены, и обе они умерли, – смеясь, сказала Люция, которую мама Захра никогда не отдаст за старика. – Ты будешь третьей!» И Роза с Марийкой тоже смеялись, не жалея Анжелу, а она даже не могла на них обидеться. Она знала, что ее никто не будет жалеть. С какой стати? Если она не умеет воровать и гадать, то должна радоваться, что выйдет хотя бы за старого Георгия. Молодой парень ее не возьмет, потому что у нее нет ни Марийкиной красоты, ни Люциного приданого. И она совсем не умеет добывать деньги.

Анжела снова всхлипнула и с тоской вспомнила прежние времена. Раньше все было по-другому. Когда ей было десять, одиннадцать и даже двенадцать лет, она была тоненькой, большеглазой, как олененок, и каждый день приносила маме Захре много денег. Попрошайничать было спокойнее, чем воровать, и легче, чем гадать. Глупые, но добрые люди часто давали Анжеле деньги, но только до тех пор, пока она не выросла. Не очень красивая тринадцатилетняя девушка может надеяться на подаяние, только если у нее на руках будет маленький чумазый ребенок. Своего ребенка у Анжелы не было, а все чужие младенцы были заняты. Анжела была бы рада занять младенца, но на старого Георгия в этом смысле надежды никакой.

День, начавшийся так скверно, перевалил на вторую половину. Анжела устала бродить по рынку, украдкой посматривая, нельзя ли что-нибудь стащить, и притворяясь, будто не замечает подозрительных и недоброжелательных взглядов честных толстых теток. Возвратиться к маме Захре без денег было невозможно. О том, чтобы попробовать заработать гаданием, не стоило и думать. Вздыхая, Анжела прошла на набережную, но там уже промышляли мальчишки. Они цеплялись к влюбленным парочкам и кружили вокруг них, смеясь и выкрикивая гадости до тех пор, пока измученный кавалер не откупался от назойливых цыганчат хотя бы десяткой. Оставалось попробовать добыть денег в парке, где ближе к вечеру после пары пива мог прикорнуть на лавочке какой-нибудь разомлевший дядька с кошельком в заднем кармане. Анжела

по опыту знала, что подобные персонажи никому, кроме таких, как она, не нужны. Милиционеры, раз в два-три часа объезжающие парк по кольцу центральной аллеи, живо интересуются только бедолагами, забежавшими в кусты по малой нужде.

Анжела прошла в парк и прогулялась по дорожкам, цепко приглядываясь к лавочкам, затененным все еще густой листвой дубов и кленов. Шорох шин милицейской машины, совершающей очередной бессмысленный объезд территории по соседней аллее, заставил ее пригнуться и спрятаться за щелястой спинкой скамейки. Только поэтому она заметила в рыжих листьях сбоку от лавочки неожиданное голубое пятно.

Он ворочался в куче сухой листвы и недовольно вякал. Маленький ребенок в голубом, как небо, стеганом комбинезончике и вязаном чепчике с потешным помпоном. Прежде чем милицейская машина поравнялась со скамейкой, Анжела подхватила малыша и укрыла его полкой своей кофты.

Как такой маленький ребенок попал в кучу листьев, она догадалась легко: упал с лавочки. Но как он оказался на скамье – один, в укромном уголке безлюдного в будний день парка, – представить было невозможно. Анжела и не пыталась.

Завернутый в лохматую цыганскую кофту, ребенок быстро согрелся и тут же закрыл глазки. Во сне он загадочно улыбался и был таким хорошеньким, что Анжела, просидев на тротуаре у «Детского мира» каких-то два часа, получила от добрых глупых людей вдвое больше денег, которых ее лишила толстая корова с рынка.

– Отлично! Я довольна, – после долгой паузы объявила Ирка грустным голосом, который разительно контрастировал со сказанным.

Она не меньше пятнадцати минут бродила вокруг декоративного пруда, в середине которого слабым гейзером бил фонтан. Утки, привычно ожидающие от посетителей парка хлебобулочной подачи, с намеком крякали моей суровой подруге, голуби опасно суеились у нее под ногами, но Ирка птичью суету игнорировала. Она нарезала круги вокруг пруда не ради моциона, а с целью оценить степень пригодности окрестностей к подвижным играм сексуального характера.

– Там! – уверенно сказала Ирка, указав на группу плакучих ивушек.

Их гибкие ветви спускались почти до земли, образуя живой зеленый занавес.

– Под этими ивами запросто может уединиться для брачных игр целое стадо порочных зайцев! – с горечью добавила она. – Не говоря уж о стае сексуально озабоченных ласточек. Всем места хватит!

– И при этом в трех шагах от брачующихся никто ничего не увидит! – добавила я.

– Вот именно! – совсем уж мрачно буркнула Ирка. – Надо думать, где будем прятаться мы сами.

И она снова порысила к фонтану.

В погожий сентябрьский денечек моя подружка оделась под стать осенней природе – в рыжий свитер и буро-зеленые брючки. Этот наряд вполне можно было считать маскировочным: свернувшись клубочком под деревом, моя подружка запросто могла прикинуться кучей сухой листвы. Однако, суматошно бегая вокруг пруда, буро-рыжая Ирка неприятно походила на огромного чокнутого грызуна – гигантскую белку-мутанта, озабоченную поисками пропитания. На бегу она обшаривала безумным взглядом траву и листья у подножия деревьев и с риском споткнуться о корягу подолгу засматривалась на поредевшие кроны. Мне эта нездоровая суета очень не нравилась. Сама я мирно грелась на солнышке, устроившись на славном трухлявом пенечке в компании таких же бледных и анемичных поганочек, а неугомонная Ирка то и дело перечеркивала открывающийся передо мной умиротворяющий вид фосфоресцирующим оранжевым зигзагом. И при этом еще раздражающе громко хрустела сухими листьями, навевая неприятные мысли о крупных пресмыкающихся.

– Что ты носишься кругами, как цирковой мотоциклист! – не выдержала я. – Сядь, посиди спокойно!

– Какой покой, о чем ты? – огрызнулась подружка, в десятый раз пробегая мимо. – Посмотрела бы я, как бы ты сохраняла спокойствие, зная, что твой муж ходит налево!

– Так ты теперь бегаешь направо с целью скомпенсировать «левые» походы Моржика? – связвила я.

– Нет! – Иркин голос донесся с другой стороны пруда. – Я ищу самое лучшее место для засады!

Я подождала, пока она вернется, и сказала:

– Самое лучшее место для засады – в воде.

Ирка резко остановилась.

– Ты думаешь? – она подошла к пруду, присела на корточки и уставилась в воду.

– Вообще-то, я пошутила, – предупредила я, сообразив, что подружка моя сейчас не вполне адекватна.

Глядишь, действительно залезет в пруд и будет выглядывать оттуда, как Лох-Несское чудовище!

Я представила, что почувствует Моржик, плотно занятый подвижной сексуальной игрой в зайчика-ласточку, если в разгар событий перед ним гибридом русалки и бобра вынырнет мокрая рыжеволосая супруга с кувшинкой на голове, и подавилась нервным смехом. Бедолага Моржик получит сильнейшую моральную травму!

– Будь здорова, – не оборачиваясь, пожелала Ирка, приняв мои задушенные смешки за кашель. – Дай-ка мне палку покрепче и подлиннее!

Я подняла брови. Если Ирка выплывет к Моржику и его подруге не просто так, а с крепкой палкой в руке, одной моральной травмой дело не ограничится!

– Может, обойдешься без палки? – Я встала с пенька и подошла поближе к подруге.

Ирка, наклонив голову, смотрела в пруд. Меня это немного удивило, потому что вода была непроглядно бурой и грязной – совсем не чудесное зеркало, в которое можно глядеться. Администрация парка никогда не радовала водоем повышенным вниманием и регулярной заботой – на моей памяти пруд чистили всего один раз. При этом на дне в толстом слое жирной грязи, помнится, обнаружилось несколько археологических слоев с большим количеством артефактов в диапазоне от пустых бутылок до холодильника. Последний я видела на илистом дне своими глазами и очень удивилась. Было затруднительно представить себе человека, под покровом ночи следующего к пруду в обнимку с пятипудовым «Саратовом», имея целью тайное погружение последнего в бездну вод. До сих пор меня занимает эта неразгаданная тайна – зачем кому-то понадобилось бросать в пруд холодильник? Чтобы поиграть в затопление субмарины?

А Ирке, похоже, приспичило поиграть в Ассоль, ожидающую прибытия капитана Грея не под алыми парусами, а на подводной лодке. Впрочем, моя подружка выглядела скорее смешно, нежели романтично. Она сидела у воды, как близкородственные сказочные персонажи – сестрица Аленушка и ее братец Иванушка, причем «два в одном»: у сестрицы Ирка позаимствовала дислокацию на самом берегу пруда, а у ее братца козленочка – позу с опорой на четыре конечности. Впрочем, пока я шла, количество опорных точек уменьшилось: Ирка вытянула руку и погрузила ее в воду.

– Моешь руки перед бедой? – сострила я, продолжая думать о печальном будущем Моржика.

– Посмотри сюда, – не оценила каламбур подружка. – Что это такое?

– Где? – Я присела на корточки и посмотрела в указанном направлении. – Хм... Очень похоже на деревянную тарелочку из кукольного посудного набора.

– Точно? – Ирка обрадовалась и потянулась еще дальше. – Вот и мне показалось, что это не просто кусок древесной коры, но, ты же знаешь, у меня зрение не на все сто.

Я тихо ухмыльнулась. На все сто у моей любимой подружки вес – ровно центнер. И в данный момент этот центнер опасно балансировал на краю пруда, рискуя бомбой рухнуть в непроглядную серо-бурую воду, поэтому я на всякий случай придержала эквилибристку за брючный ремень.

– Ап! – торжествующе сказала Ирка, ухватив покачивающийся на волнах резной кружок размером с кофейное блюдце. – Тянем-потянем!

Моя добычливая подружка потянула трофей к себе, но деревянная тарелочка оказала ей сопротивление, и Ирка осталась с пустыми руками.

– Эта штука за что-то там зацепилась, – с сожалением сказала она. – Так-так-так... Вот говорила я тебе, дай палку!

Не дождавшись от меня активной помощи, подружка сбегала под ближайшее дерево, нашла там впечатляющего вида дубинку и вернулась с ней к пруду. Вожделенная резная деревяшка продолжала дразняще подпрыгивать на волнах. Ирка прицелилась, ткнула палкой в воду, ловко подцепила «блюдце» и потянула его вверх. Штуковинка неохотно вынырнула из воды, а следом за ней потянулись два ряда деревянных бусин.

Уже в этот момент мне страстно захотелось, чтобы Ирка бросила палку и отпустила свою находку на волю волн, но выразить свое желание в словах я не успела, только взволнованно ахнула. Подружка, сопя, тянула к себе трофей с ловкостью рыбака и упорством бурлака и выронила орудие рыбацко-бурлацкого труда, только когда на поверхности воды черными водорослями заколыхались спутанные пряди.

– Ай!

Вся конструкция булькнула в воду, а Ирка отскочила от пруда с такой прытью, что версия о пригодности данной местности для игры в резвых зайчиков могла считаться подтвержденной.

– Что это было? – шепотом спросила она, сделав глаза плоскими.

– По-моему, это был нагрудный медальон на деревянных бусах, – поежившись, сказала я.

– Хочешь сказать... он как раз был... на груди? – опасно прошептала Ирка.

– А бусы – на шее, – уныло добавила я.

Мы взглянули друг на друга, синхронно вздохнули и одновременно спросили:

– Кто звонит Сереге, я или ты?

– Вот б... блинство! – ругался капитан Лазарчук, в последний момент неуклюже корректируя очень грубые слова в пользу относительной пристойности. – Что за хе...херомантия! На кой х...

то есть зачем вы вообще поперлись к этому пруду, идиотки несчастные?

– Грубый ты, Лазарчук, и нечуткий! – обиженно сказала Ирка. – Замшелый питекантроп, а не цивилизованный страж порядка!

– Зато вы современные девушки, нет слов! – огрызнулся Серега. – Это у вас флэш-моб какой-то, что ли? Собираться парами и жмуриков искать?

– Как он нас обозвал? – шепотом спросила у меня Ирка. – Фляш... Флюш...

– Флэш-моб. Это такое модное развлечение для «продвинутых» граждан, – проявила эрудицию я. – Они договариваются в Интернете, а потом толпой собираются в одном месте и учиняют какую-нибудь глупость. Например, в гробовом молчании возлагают цветы к ногам резинового клоуна у «Макдоналдса». Шокируют народ и получают от этого удовольствие.

Ирка попыталась уверить Лазарчука, что мы с ней не получили никакого удовольствия от того, что в очередной раз шокировали его и весь милицейский народ, но капитан не дал ей разговориться. Ему самому было что сказать.

Я слушала неласковые ментовские речи и виновато молчала. Ирка, высокомерно задрав подбородок, рассматривала облачка в небе и в паузах между Серегиними фразами независимо шмыгала носом, а я просто смотрела в сторону. При этом из имеющегося в моем распоряжении неограниченного выбора сторон я предпочла ту, где плотной стеной стояли густые зеленые елочки. Просто елочки. Просто стояли. Как и положено вечнозеленым деревьям, елочки никак не менялись, и рядом с ними ничего не происходило. Это постоянство успокаивало, потому что за моей спиной, там, куда я так усиленно старалась не смотреть, что затылок затвердел до цементной плотности, коллеги капитана Лазарчука вытаскивали из воды деревянный медальон и все, к нему прилагающееся. А прилагалось к нему, как мы с Иркой и боялись, мертвое женское тело. Это было ясно по репликам, которыми под плеск волн, журчанье и хлюпанье обменивались циничные оперативники:

– Ну так и есть – русалка!

– Свеженькая еще, рыбонька, совсем недолго плавала!

Мне очень хотелось заткнуть уши, но это было бы невежливо по отношению к распекающему нас с Ирккой Сереге. Лазарчук имел моральное право устроить нам нагоняй: мы с подружкой уже не в первый раз подбросили ему неприятную работенку.

Сознавая это, я слушала капитана кротко, а самолюбивая Ирка опять не выдержала.

– Поперлись! – возмущенно повторила она. – А для чего сюда прутся все остальные граждане? Это, между прочим, если кто не знает, Парк культуры и отдыха! Здесь культурно отдыхают, гуляют, дышат свежим воздухом!

– И топятся, – не удержавшись, подсказала я.

Ирка осеклась, а Лазарчук фыркнул как лошадь и крайне язвительно сообщил:

– Топятся – это когда по собственной инициативе! А когда камнем в висок и замертво в пруд – это уже совсем другое мокрое дело!

– О господи! – Я ужаснулась и обернулась, чтобы увидеть несчастную жертву преступления.

Лучше бы я этого не делала!

Деревянный медальон, так приглянувшийся Ирке, с лески сорвался, и бусины рассыпались, однако и без того видно было, что убитая одета со вкусом – в шикарные замшевые брюки и кашемировый джемпер песочного цвета. Конечно, пребывание в грязной воде сильно подпортило вещи жертвы и превратило в сущее безобразие ее прическу и макияж. Собственно, только поэтому я ее и узнала.

Бледное лицо в разводах грязи и спутанные черные волосы – именно такой я видела Марию Петропавловскую, когда она была еще живой.

– Анка, я нашла твою подругу, Машу, – печально сказала я в трубку, плотно зажатую между двумя щеками – моей и Иркиной.

Подружка, взволнованно сопя и старательно маскируя неистребимое любопытство под глубокое сочувствие, старалась не упустить из моего разговора с Анютой ни единого словечка. На слова, впрочем, я на сей раз была не щедра. Язык не поворачивался объявить Анке страшную новость.

– Я знаю, Ленчик, спасибо тебе огромное! – грустно ответила приятельница.

– Да не за что, – растерялась я.

– Она мне позвонила сразу после вашего с ней разговора.

– Ань, ты знаешь, а ведь Маша...

– Да знаю я, знаю! – недослушала приятельница. – Она и мне сказала все прямым текстом: не желаю, мол, поддерживать отношения, что было, того не воротишь, мы с тобой вращаемся на разных орбитах, прости, прощай и не поминай лихом!

– Анка...

– Да не успокаивай ты меня, я не очень-то расстроена! Я прекрасно знаю свою подругу, все ее обиды ненадолго. Машка вспыльчивая, но отходчивая.

Тут моя собственная вспыльчивая подруга выразительно кашлянула и подтолкнула меня локтем, прозрачно намекая, что пора бы сообщить Аняте – отходчивая Маша отошла насовсем.

– Аня! Маша сейчас тут! – дерзнула я.

– Правда?! – Приятельница неподдельно обрадовалась. – Она рядом с тобой? Ленчик, ты умница! Настоящий миротворец! Ну-ка, передай Машке трубу!

– Анька! – вырвав у меня мобильник, гаркнула потерявшая терпение Ирка. – Единственная труба, которая еще пригодится твоей подружке, стоит на крыше крематория!

– О боже! – закатил глаза Лазарчук, присутствовавший при этой сцене. – И эти люди обвиняют меня в грубости и нечуткости?!

Ирка сердито зыркнула на него и скомандовала в трубку:

– Сиди дома, мы сейчас приедем!

Она вернула мне телефон, обессиленно упала на пенек, устало вытянула ноги и с укором сказала Сереге:

– Не о том вы думаете, господин капитан! Вы бы лучше к товарищам своим присоединились, следочки какие-нибудь поискали на месте преступления, пальчики, орудие убийства! Ваше дело – душегуба ловить, а не разговоры разговаривать!

– Орудие преступления искать не надо, булыжник этот у жертвы за пазухой лежал – для пущей тяжести, надо понимать, – невозмутимо ответил Лазарчук, тщательно протирая полую теплой вельветовой рубашки старомодные солнцезащитные очки. – Пальчиков никаких там не будет, не стоит и надеяться, тело не меньше часа в воде пролежало, и камень вместе с ним. А вот следочки... Петь, а что у нас со следочками? Есть?

– Следочков у нас валом, но все они с одной пары ножек, – охотно отозвался лейтенант Петя Белов. – То ли кроссовки, то ли спортивные туфли на ребристой подошве, размер сорок первый, растоптанный. Похоже, тут совсем недавно какой-то чокнутый физкультурник вокруг водоема кросс бегал. Оставил отпечатки в десять слоев, один на другом, и ничего другого из-под них уже не добудешь.

Я опустила взгляд и посмотрела на Иркины вытянутые ноги. Она мгновенно подобрала их, свистнув по траве ребристыми подметками своих спортивных туфель, встала и громко сказала:

– Ну нам пора!

Подружка потащила меня прочь от водоема, вместо «до свиданья» торжественно возвестив:

– Всем спасибо, мы свободны!

– Чему лично я не перестаю удивляться! – добавил свой ехидный комментарий капитан Лазарчук.

– Ох, привлекут меня за сокрытие следов преступления! – опасливо пробормотала Ирка, внедряясь в хвойные заросли.

Дородная подружка пролезла сама и протащила меня между двумя растопырчатыми елочками, как между щетками, а потом опустилась на корточки и из-под зеленой лапы поглядела в сторону пруда. Там Петенька Белов аккуратно насыпал в пластмассовую плоску белый порошок.

– Это что за порошок у них такой, беленький? – встревожилась Ирка.

– Это гипсик, – объяснила я. – Следочки твои отливать.

– Чудненько! – буркнула подружка.

Она резво поднялась на ноги и потрусила прочь, без труда пробуравив своим телом зеленую стену самшита. Я осторожно выбралась в образовавшийся пролом и заторопилась вдогонку за

убегающей Ирккой. Она остановилась только на дальней окраине парка, где терпеливо дожидалась хозяйку верная «шестерка». Подружка немного повременила с отбытием, позволив мне занять место в машине, но затем стартовала а-ля Шумахер-старший. Я молча взяла ремень и пристегнулась.

– Ну? – агрессивно молвила гонщица, лихо влетев в крутой поворот. – И что теперь?

– Теперь хорошо бы остановиться на светофоре, как раз красный зажегся, – тактично подсказала я.

– Я не об этом! – проскрежетала Ирка и тормозами, и голосом.

«Шестерка» остановилась, самую малость недотянувшись до заднего бампера новенькой «Мицубиси». Я использовала паузу для того, чтобы мелко перекреститься, а Ирка – для продолжения эмоциональной речи:

– Ты понимаешь, какова наша миссия?

– Сохранить себя в целостности и сохранности для будущих поколений? – с надеждой предположила я.

Светофор засиял зеленым, Ирка тяжело уронила свою стопу сорок первого размера на педаль газа и, перекрикивая рев движка, проорала:

– Мы должны найти убийцу этой Маши!

– Зачем? – вякнула я, вжимаясь в кресло.

– Затем, что я не хочу под следствие!

– А под «КамАЗ» ты хочешь, да?! – взвизгнула я, послав кривую улыбку позеленевшему водителю грузовика, опасно подрезанного нашей «шестеркой». – Какое следствие, тебе ничего такого не грозит! Лазарчук с Беловым не идиоты, они сами прекрасно во всем разберутся!

– Знаю я, как они разберутся! – фыркнула Ирка и прибавила газу. – Нет уж, придется нам с тобой им помочь, а то как бы чего не вышло... И не спорь, пожалуйста, не нервируй меня! Я за рулем!

– Вот именно, – прошептала я, после чего закрыла и рот, и глаза.

Ирка еще некоторое время продолжала горячо отстаивать необходимость нашего с ней участия в детективном расследовании, но я мудро помалкивала, и подружка постепенно успокоилась.

К Анке мы доехали быстро и почти без потерь. Пара царапин на крыле и помятый при парковке цветник большой утратой в данной ситуации не считались. При виде поломанных хризантем Ирка – знатная любительница флористики – виновато вздохнула, и только. Анка, мрачно наблюдавшая, как гибнут под колесами «шестерки» ее цветочки, тоже проявила необычное безразличие к судьбе семейного добра. Я поспешила увлечь одну свою расстроенную подружку в дом другой, твердо рассчитывая там, в уютном гнездышке семейства Тороповых, снять стресс со всех угнетенных масс по собственной Иркиной методе.

Моя дорогая подружка считает наилучшим лекарством от тоски и уныния какой угодно этиологии высококалорийные кондитерские изделия. Она могла бы если не кровью, то собственной слюной и желудочным соком подписаться под каждым словом того самого слона из стихотворения Чуковского, который на вопрос «Что вам надо?» без тени сомнения отвечал: «Шоколада». Только Ирка расширила бы список до двух дюжин наименований: ей регулярно и в больших количествах надо и шоколада, и мармелада, и взбитых сливок, и пломбира, и пирожных с тортиками... Вот тортик-то мы и купили по дороге к Анкиному дому.

Расчет оказался верным. Превосходный многослойный «Наполеон» со второго захода одолел упаднические настроения, поднял наш моральный дух и уверенно утвердил его на высоте двенадцатого коржа. Анка, поначалу сидевшая как пришибленная, постепенно оправилась от первого потрясения и стала думать о том, что кто-то должен взять на себя организацию

Машиных похорон. Близкой родни у той не осталось, маму она похоронила в прошлом году, а отца – еще раньше.

Пока Аня составляла список обязательных в таких случаях безрадостных дел, Ирка отвлекала себя от печальной действительности иначе. Сначала она подбила нас всех хлопнуть под третий кусок торта по рюмочке коньяка, а потом с пьяной искренностью полезла ко мне обниматься.

– Ты моя самая лучшая подруга! Живи долго и счастливо, а не как Анкина Маша! – почувствованно говорила она, роняя на мое плечо слезинки – крупные, как леденцы монпасье, и блестящие, как кристаллы Сваровски.

– Спасибо тебе, конечно, на добром слове, но Машину участь лучше лишний раз не вспоминай, – покривившись, сказала я. – Не ровен час, накаркаешь!

– Я?! – Ирка перестала всхлипывать. – Кто бы говорил!

– Ты это о чем? – нахмурилась я.

– А кто вчера говорил, что найдет эту Машу живой или мертвой?

– Кто? – Анка тоже заинтересовалась нашим разговором.

– Вот она! Ленка! – Ирка бесцеремонно потыкала в меня перстом, измазанным заварным кремом.

Она так быстро перешла от поедания торта к драматическому монологу (читай – от хлеба к зрелищам), что не успела облизать все пальцы.

– Я это говорила? – усомнилась я.

– Говорила, говорила! – закивала моя памятьливая подружка. – И слово свое сдержала, обещание выполнила и перевыполнила: нашла бедную Машу и живой, и мертвой!

– Мертвой – по чистой случайности! Это было несчастливое совпадение! – запротестовала я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.